

Сергей Комяков

Запрещенная Таня

Сергей Комяков

Запрещенная Таня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27614021

ISBN 9785448599729

Аннотация

Две женщины – наша современница студентка и советская поэтесса, их судьбы пересекаются, скрещиваться и в них, как в зеркале отражается эпоха...

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	22
5	30
6	37
7	41
8	47
9	51
10	54
11	61
12	67
13	73
14	75
15	81
16	83
17	90
18	94
19	96
20	100
21	103
22	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Запрещенная Таня

Сергей Комяков

Столетию большевизма. Опыт некролога

© Сергей Комяков, 2017

ISBN 978-5-4485-9972-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Москва двухтысячных уже не поражала. Осталась в прошлом вакумно-стеклянная жизнь восьмидесятых и разухабистое существование девяностых, все устоялось, устаканилось, определилось и застыло. Осторожно ступая по первым проталинам, Таня выбирала путь. Так бы выбирать путь и в жизни. Давно никто не мог понять, как идти по этой легкой и летящей жизни. И куда все это может завести. И не все родственники одобряли выбор Тани. Казалось, что в простом новом мире можно жить хорошо, если жить просто. Но всех на семейном совете убедил дед, выкрикнувший во всю силу легких изъеденных третьей степенью рака:

– Жопой ей, что ли идти торговать!

Неприличное, Таня сказала бы, непубличное слово, впервые услышанное от деда, решило судьбу семейного совета. Родители согласились, что Таня может какое-то время потратить и на такое не очень нужное для нормальной жизни как русская литература.

И вот сейчас, – скачек через лужу, – филфак престижного вуза. Потом, – выбор пути между большой и малой лужами, – потом. Потом.

Раньше люди жили, влюблялись, сочиняли. А сейчас Танюша перепрыгнула через лужу и вышла на чистую плитку. Сегодня нельзя было опоздать – решалась судьба ее дипло-

ма, что должно позволяло дать ответ родителям и себе, ну а деду он был уже не нужен.

Руководил ее дипломом Сергей Васильевич, милый пожилой человек. После путинских майских указов ему добавили часов, и он больше времени проводил в универе, маясь со студентами. Это сократило его репетиторство и сделало рассеянным. Шептались, что падение денежных доходов уже раздражает четвертую супругу Сергея Васильевича, и он начал подыскивать пятую.

– Вы ведь не случайно взяли для дипломной творчество Бертольц? – настороженно спросил Сергей Васильевич.

Танюша кивнула. Половина ее курса взяла темой дипломной стихи Ахматовой, а другая Цветаевой. Первые были уверенными в себе начинающими клушами, которые хотели прожит долгую, дольше чем ипотечный кредит, жизнь. Вторые были готовы разорвать жизнь грубыми слесарными ножницами, и вяло прострадать несколько десятилетий. Танюша не хотела быть ни с первыми, ни со вторыми. Правда, ее выбор был связан только с общим с Бертольц именем. Когда пришел черед обозначить тему диплома, она посмотрела справочник писателей СССР и выбрала Татьяну Бертольц. Танюша знала, что Бертольц писала неплохие стихи, немного страдала, терпела, но не была, ни официозной поэтессой, ни Мандельштамом в юбке. Не было в ней ни пафоса мученичества, ни проклятия прославления в школьных учебниках.

ках. Такой персонаж вполне подходил Танюше, которая давно не хотела выделяться. И такой поэт как Бертольд подходил вполне. Он был ей даже нужен. Почему-то Танюше казалось, что в жизни Бертольд было много развилок, один список ее мужей чего стоил. Это могло помочь и милой московской студентке, которой уже скоро надо было определиться с жизнью и судьбой.

Сергей Васильевич, привязанный ко времени консультации посмотрел на Танюшу и поправил очки:

– Ваш выбор не может быть случайным. Все в какой-то мере осознано. Вот вас привлекала Бертольд, а многие хотят отмучиться и хватают самое простое и самое горячее. Они и проигрывают. Чем больше людей в очереди, тем тяжелее пройти. Если у нас по двадцать дипломов по Ахматовой и по Мандельштаму, то представьте, как тяжело приходится найти что-то новое. Ну, хоть на полстранички. А вы решились на незначительного поэта. Сравнительно незначительного, конечно. Поэтому, я предполагаю, что у вас для этого есть некий тайный смысл. Но я сразу предупреждаю вас – если вам хочется действительно что-то понять, о надо отойти от стереотипа. И чем вы дальше от него отойдете, то тем дальше пройдете. Так сказать. Больше поймете. И больше для себя извлечете.

Таня кивнула. Она совсем не понимала, про что говорит Сергей Васильевич, но выглядит все убедительно и складно.

– Вам надо не просо увлечься темой, – продолжил препода-

даватель, – вам надо загореться ею. Жить ею. Вот тогда будет результат.

Про себя Танюша уже проклинали и эту консультацию, и эти майские указы, стронувшие образование в какую-то иную сторону. Еще пару лет назад преподаватели хотели быстрее отмучиться и ставили оценки просто так, – лишь бы быстрее уехать из старого здания престижного ВУЗа. Но теперь им приходилось отрабатывать по полной и они стали изобретать различные забавы для себя. Вот и милейший Сергей Васильевич решил позабавиться. Танюша подумала, что вздохнуть сейчас будет очень неприличным. И глубоко вздохнула.

– Нам с вами нужен новый подход, – преподаватель посмотрел на потолок, по которому сновали солнечные зайчики отмечавшие весну – мы отойдем от консервативных моделей и предложим новое видение творчества Бертольд. Вообще мы постараемся доказать и то, что творчество поэтов второго ряда можно понять эпоху. И даже плотнее, полнее, объемнее. На них не было такого давления как на советскую писательскую номенклатуру. Вот поэтому они могли писать свободнее, и были ближе к истине. К чувствам. Но небыли и оппозиции. Поэтому именно они и есть зеркало эпохи.

Танюша кивнула, хотя единственного, что ей сейчас хотелось это глубоко вдыхать. Да и до рыданий было не далеко. Диплом, еще утром казавшийся проходным, становился все более далеким. Но в тоже время это отдаляло пре-

красное «потом», оттягивало решение проблем, которые сами решаться не хотели. Да и преподаватель не унимался.

– Танюша, – убедительно сказал Сергей Васильевич и резко развел руки в стороны, – представьте, что вы не просто анализируете стихи Бертольд, а то, что вы ее муж.

Танюша смутилась. Но Сергей Васильевич широко улыбнулся и кивнул ей:

– Представьте, что вы не просто живете с ней, а ждете ребенка. Конечно, у вас нет детей, но вы можете представить, как идет этот процесс. А ребенок это результат вашей любви. Проникните в ее душу. Ну, скажем не так громко, а проникните в ее жизнь. Поймите, почему и как она писала. Что было вокруг. И вот этот ваш ребенок будет истинным, последним судьей ее стихов. Он соединит два времени – ее и наше. Из его судьбы мы поймем, насколько она могла бы жить сейчас и как мы жили бы тогда. Согласитесь, что идея не тривиальная.

Танюша пожала плечами. Предложение Сергея Васильевича было необычным:

– Нам о чем – то таком, говорили на психологии, – ответила Таня, – это называется погружение. Попытка понять смысл поступков другого человека, погружившись в его психику.

– Вот видите, вот видите, – кивнул Сергей Васильевич, – значит, такое уже есть. Вам надо адаптировать эти методы к филологии. Согласитесь, что понять поэта еще важнее, чем

понять его стихи.

Веселые зайчики на потолке смеялись над ней, они овили: «вот мы свободны, а тебе еще предстоит помучаться».

– Подумайте, – развил мысль преподаватель, – все будут бубнить о формах стиха, о режиме, о давящей руке Сталина и прочей тысячи раз изжеванной лабуде. И только вы сможете понять Бертольц, настолько близко насколько ее мог бы понять ее ребенок. Вы только представьте, насколько это интересная и сложная проблема. Я считаю, что это будет отличным завершением вашего постижения как литературы, так и нашей истории. Согласны?

Танюша снова пожала плечами. Может это было неплохо, но деваться ей было некуда, приходилось соглашаться и на погружение и на разгружение и на все интеллектуальные выверты преподавателя. Может солнечным зайчикам по потолке и жилось легче, но интереснее было Танюше.

2

Татьяна Бертольц закурила папиросу. «Казбек». Зажгла спичку жестко и грубо. Первую спичку и вовсе сломала и выбросила ее на пол. Коробку открыла резко и нервно. Надорвала упаковку с угла и вытолкнула гильзы папирос. Совсем не по – женски, но в ее положении выбирать не приходится. Положении.

«В каком положении», – затянулась душистым дымом Татьяна. Ее муж Константин уже три месяца был в НКВД. Забрали его ночью. Как и всех. За что она не спрашивала – знала, что ей никто не ответит. Теперь о нем можно говорить, что он сидит. Таких было много, кто пропадал, их часто искали, но редко ждали. А сегодня она поняла, что в их жизни с Костей завершилось все. И нечего больше уже не будет. И быть не может. Если он когда-нибудь и вернется к жизни, то их жизнь уже никогда не вернется. Они чужие. И он, и она друг друга уже не узнают. Только если на улице, как бывшие товарища втолкнуться и поговорят немного. Но они чужие. Его жизнь пошла по одной колее. И что-то сломалось и в ее жизни.

И что теперь? Дальше-то что?

Татьяна посмотрела на клубки дыма, которые таяли, не походя до форточки. Дым был бесплотен как ее новая жизнь. Наверное, это был символ растворявшейся в сутолоке

жизни. Но предел страдания и ожиданиям должен был наступить. Пусть Костя еще жив, и пусть живет долго, но она уже не может ждать. Она думала, что это предательство, но сегодня утром она поняла, что она не может ждать не Костю, а изменений в стране. А без этого ждать того, что их жизнь наладиться невозможно. Они сейчас чужие и будут чужие. Если он и выйдет, но будет таскать на себе печать врага. Ее могли наказать показательно, могли и а большой процесс вытащить. А Костя был милым и добрым человеком. Такие если попадают, то попадают навсегда. Они тихо живут и тихо умирают. Утром она поняла, что Костя уже умер, хотя возможно еще и не расстрелян. А даже если и не будет расстрелян, то все равно он умер.

Татьяна сжала гильзу папиросы пальцами. Сдавила ее и разгладила картон мундштука. Она посмотрела на угасающее пламя вонючего табака. Нет, это было все. Но не имело смысла ждать и на что-то надеяться. Оставалось только действовать.

Вчера позвонил Коля:

– Здравствуй, – проскрипела мембрана холодного телефона.

– Здравствуй, – ответила она, отстранив трубку от уха.

– Вот позвонил тебе, чтобы ты это... крепилась. Даже сейчас еще есть надежда. Все может восстановиться.

– Как много ошибок Коля, для человека с верхним филологическим, – громко сказала в микрофон Татьяна.

– Волнуюсь Танечка, – сипло скрипела мембрана, – вот думаю, что звоню тебе, а ты забыла обо мне. Может ты, и видеть меня не захочешь. Скажешь, что я лишний и могу не надеяться.

– Не буду тебя отвлекать, от эмоций, – резко сказала Татьяна, – и на правах поэта спрошу прямо: чего тебе надо?

– Костю уже три месяца как взяли, – промямлил Коля и замолчал. Татьяна поняла, что он сам испугался своих слов. Может он не хотел ее обидеть или задеть. Но у него это и не получилось. Однако, сблизиться ним так быстро она не хотела.

– И без тебя знаю, – оборвала она фразу – и позднее возвращаются. Рано ты его хоронить стал. Возвращаются. И зря ты это стал говорить по связи. Я верю, в советскую власть и верю в справедливость советского государства. Те, кто не виновен те возвращаются.

– Возвращаются, – по-заячьи отбарабанил далекий Коля, наверное, он все продумал заранее и пытался вернуться к свои мыслям, – если нужны они сильно, то возвращаются. Офицеры, генералы, даже физики и химики, но кому нужен безродный журналист Нейман?

– Мне нужен, – почти выкрикнула Татьяна, – мне!

– А ты кто? Кто? – просто, но жестко ломал ее сопротивление Коля.

Татьяна молчала. Она и сама поняла, что ее возможностей мало даже для того, чтобы даже узнать о судьбе Кости. Он

не просо пропал, как пропадают моряки затонувших кораблей, а растворился в пространстве советского мира. В этом мире были не только города, фабрики, колхозы, но и лагеря. О лагерях даже не шептались, но о них знали. Вот и Костя перешел в новую фазу советской жизни, переменив советский журнал на советскую тюрьму, с перспективой переехать в советский лагерь. Если ему удастся миновать расстрельного подвала. Как советский человек Костя достойно пройдет все этапы жизни. Но для нее это уже не имеет значение. Ее пусть это тоже путь советского человека и он уже разошелся с путем мужа, оказавшегося врагом народа.

– Ты что нарком или завлаб? Так поэт не из последних, но держит тебя на плаву только тот сборник стихов о Ленине, – заявил Костя, – без него ты уже великие трассы стоила и большие каналы рыла. В наше время сложно без якоря и без друга.

– И ты предлагаешь себя в якоря или в друзья, – поинтересовалась Татьяна.

– Я только хочу помочь. И все остальное это уже не телефонный разговор.

Коля замолчал, он понимал, что такая бестактность или соединит их навсегда или она сейчас бросит трубку. Она не бросила. Просто молчала. Молчал и он. Почету-то она вспомнила, что у него телефон в квартире, индивидуальной, а не коммунальной и говорить он может сколько угодно времени и никто его не прервет и не потребует быть пунктуаль-

ным. Татьяна посмотрела на трубку телефона, его трубка уже покрылась испариной. Она не решилась ее положить и спросила:

– Что ты предлагаешь?

– Сейчас я тебе ничего не скажу, – быстро сказал Костя, – потому, что все это долго говорить и расписывать. Если завтра встретимся у ЗАГСа, я тебе все расскажу. От тебя требуется только паспорт. И желание. Если оно у тебя будет, то ты сможешь начать новую жизнь.

Она подумала, что это Коля говорит искренне или он хочет сказать это для ребят из большого дома. Они там все слушают и все знают. Если Коля так боится, то он далеко не дурак, хотя не такой видный как Костя. И она тихо сказала:

– Хорошо.

– Хорошо, – ответил Коля, – тогда завтра в два. У вашего ЗАГСа. Ты помнишь, где он?

– Конечно.

– Вот и хорошо, – поддержал ее Коля, – тебе лучше не опаздывать. Сейчас может быть очередь, а нам надо как можно быстрее все сделать.

«Нам», – отметила про себя Татьяна, – он уже говорит «нам». Или он так торопиться. Или я действительно так долго ждала Костю. Заждалась и не дождалась».

– Тебе надо жить дальше, – вкрадчиво сказал Костя, – поэтому приходи к двум. Я обязательно тебя буду ждать. Но те-

бе лучше не опаздывать.

– Хорошо, – Татьяна, – сжала трубку телефона, как будто она хотела так пережить всю свою жизнь, – хорошо. Я уже все поняла. Я приду.

3

Коля пришел к ЗАГСу с уже готовым планом. Это большой плюс мужчин, всегда поражавших Татьяну: всегда иметь некий план на любой случай. Коля все продумал. Казалось, он от этого светился радостью, хотя и скрывал ее скорбеподобной маской.

– Тебе надо, подать заявление о разводе по суду, – быстро заговорил он, – потом принести заявление, вернее его копию на радио. Это будет как начало процесса. Потом когда Костя три раза не придет на суд, то вас разведут автоматически. Тебе просто выдадут бумагу о разводе и все. Это избавит тебя от участи жены врага народа.

Татьяна кивнула.

– И ты думаешь, что это не будет предательством?

Коля испугано посмотрел на нее:

– Неужели ты считаешь, что врага народа можно предать? Враг сам есть первый предатель. Он пошел не против какой-то части нашего советского государства, а против всего общества сразу. Будь он уголовник, то все было бы куда проще и понятнее. Тебе бы давно сообщили бы об этом.

– Ты думаешь, что я могла бы быть женой уголовника? Воришки или карманника?

– Я не об этом, – безнадежно взмахнул руками Коля, – не об этом. И не об этом сейчас надо думать. Ты теряешь вре-

мя. Оно идет. И каждый день может быть, потом использован против тебя. Вызовут тебя и спросят: «почему, вы не развелись с мужем – врагом народа?» и что ты им скажешь? Что?!

– скажу, что я е знала, что он враг. И что он так опасен для нашего строя.

– Это конечно понятно, – Коля покрутил головой, как будто пытался стряхнуть татьянину наивность, – это ты мне можешь сказать. Мол, не знала и не думала. Безусловно, это правильно, но они там будут проверять, не стала ли ты вместе с ним врагом. Куда проще превентивно нанести удар по врагу и посадить жену врага народа, чем потом получить выговор.

– Возможно с занесением, – усмехнулась Татьяна.

– И с занесением тоже, – всерьез продолжил Коля, – могут милиционеру и с занесением дать.

Она подумала, что он все же не умен. Почему-то накатила гадливость: вот стоим мы здесь перед ЗАГСом, оттуда выбегают счастливые. Выползают несчастные. Такой трансформатор человеческой жизни, а мы только и можем решить прыгнуть сейчас, сразу или обождать. Она посмотрела на Колю. Его прямой пробор и простая рубашка из ГУМА делали его еще более простецким, но и более живым. Но чувство того, что он дождался того, что баба освободиться и бросился, чтобы схватить не проходило. Впрочем, она давно уже была никому не нужна. Хотя, если только советской власти которая не могла никак забыть по нее и дать ей жить. А вот

Коля нашелся и нашел ее.

– Сейчас еще есть время, выбрать спокойно из этого, – сказал Коля, смотря на ее профиль, – а скоро этого уже не будет.

– Это я поняла, – ответила Татьяна.

– А если поняла, то почему ты ничего не делаешь? – Коля уже изнывал. Он, наверное, думал, что все пойдет быстрее или она согласится или нет. А она согласилась и ждала. Ждала и знала, что нужно идти. Давно пора перевернуть свою жизнь, оставив Костю идти по тому маршруту советского человека, который был еще не прочерчен для нее.

– Тогда чего ты ждешь, – Коля обернулся на ЗАГС, – надо еще и очередь отстоять и заявление написать.

– А ты мне в этом помогать решил, – спросила Татьяна, ей все еще хотело уесть его. Хотя бы его, если уже все так печально повернулось.

– Я? Нет, я только могу быстро сбегать заплатить госпошину, что бы тебе не пришлось в двух очередях стоять. Это быстро тогда будет.

– Хорошо.

– Ты согласна? – спросил Костя, – согласна? Да?

Татьяна покачала головой:

– Я сказала, что это ты придумал хорошо. С госпошиной. Я в одной очереди, ты в другой и все идет хорошо. Потом мы встретимся и разведемся с Костей. Вот так и пойдет несколько лет жизни. Хлоп и пройдет.

– Но надо жить дальше.

– Я знаю, а ты мне хочешь помочь как друг или как товарищ по ремеслу?

Коля смутился, было видно. Что ему интересно более чем какая-то дружба. Весь его вид говорил о том, что он не зря набрался смелости и позвонил жене врага народа, вернее фактически жене врага народа, не для того, чтобы пить чай под зеленым абажуром в комнатенки и слушать скрип соседей за стенами. Он рассчитывал на большее. Сейчас Татьяна подумала о том, как все разнообразно в жизни. Вот она стоит тут, мимо бегут люди, и он и она могут выбирать время прийти сюда и спокойно подать заявление. Даже по телефону говорят могут и поизносить различные интересные вещи. Умные и пафосные фразы, а как это происходит у них? Там в колхозах или на заводах? В колхозе, наверное, приходит к раскулаченной бабе соседский бобыль, поговорит с ней, а потом в сарае или хлеву. После он портки подтянет, а она юбку одернет, и зажили вместе. А на заводе и того проще – в общежитии и места мало и спрашивать некогда. Понравилась и расписались, после чего комнату для семейных получили. И там нет слов и фраз. А итог один. «Бабья доля, – подумалось ей, – не хорошая или плохая, а просто бабья. И часто вместо того, что бы ждать и трястись надо просто дать. Может в этом и есть некая бабья мудрость».

Она посмотрела на Колю, рот которого двигался. Наверное, и слова лились, шершавые такие не обкатанные, сло-

ва преподавателя литературного института. Но хорошо, что не механика или тракториста. Тех бы настолько не хватило. А они бы и ждать столько не стали. Они быстрые эти люди от орала и станка. Быстрые как советская власть.

Она была согласна со всем, что бубнил Коля, она хотела такого выхода и давно была готова к нему. Коля становился только предлогом для развода. Коля этот наивный человек, решавший сейчас одну из важнейших задач жизни найти женщину и создать семейный очаг. Бррр. Татьяну передернуло эта пошлость ставшая нормой. Ею подавился Маяковский, а вот теперь ее пережевываю и я. Простота и пошлость простоты жизни. Она пришла и к ней. Пришла и стала диктовать, как жить хорошо, если жить, соизмеряясь с пошлой простотой.

Татьяна широко улыбнулась Коле запал, которого уже угасал. Она взяла его за руку и дернула к серому зданию ЗАГСа обвешавшего новую, но не более счастливую жизнь. Наивный Коля этого не понимал – штампы не делают никого счастливыми, но могут сделать несчастными. Они, эти штампы неумолимы как наша советская власть.

Пересчитывая ступени и таща Колю за собой, Татьяна вспомнила, как недели через три после ареста Кости ее вызвали в НКВД. Татьяна отдала ключи от комнаты соседке, которая понятливо спрятала их в щель досок пола коридора. Брат у счастливого семейства Нейсманов – Бертольд было нечего, а комнаты делили в горкоме. Именно в это лето, как и в два предыдущих в ленинградском горкоме была особенно длинная очередь на улучшение жилищных условий. И Татьяна не сильно волновалась, что их комнатенку займут, тем боле, что она могла быть ее последней комнатой, не заставленной нарами.

Следователь оказался угрюмым человеком. От его странного, но ординарного лица Татьяна запомнила только белоснежный подворотничок синего кителя. Его белизна была таково, что после четвертого допроса Татьяна стала думать как же старается жена товарища следователя, стирая, крахмаля и подшивая новые подворотнички. Каждый день новые. Хорошо, если у него несколько кителей. А если один? То значит его жена каждый вечер, поздно, когда вернется муж и ест, громко жуя, осматривает его китель. Потом вздыхает, опарывает грязный и пришивает новый подворотничок. А может и не вздыхает, а уже так привыкла, что машинально отпарывает и машинально пришивает. Так же маши-

нально как живет с ним и ходит на какую-нибудь малообременительную службу, специально устроенную для жен служащих НКВД.

Вот если бы так просто можно было отстирать души тех, кто здесь работает, – иногда думала Татьяна. Но после четвертого допроса она поняла, что эта мысль сводит ее с ума. И она поняла, что здешние серые души отстирать может и нельзя. Но ее душу придется после этого подвала стирать долго и нудно. И стирать ее придется ей самой. Если придется.

Допросы катились чередой. Следователь заученно, как учитель на экзамене задавал простые и пустые вопросы. Где и как встретились, почему поженились, сколько жили вместе, не замечала ли Татьяна какой-то преступной деятельности Кости. Не было ли у него странных знакомых. И не ходил ли он, куда по вечерам.

Ответы Татьяны следователь медленно и аккуратно записал в протокол допроса. Буквы он выводил старательно, как школьник второго класса, который сидит на первой парте и стремится понравиться учителю. Иногда он перечитывал протокол, шевеля губами, а потом давал расписаться, внизу листать Татьяне.

Потом он осторожно клал протокол в грубый стальной шкаф и закрывал его на скрипящий замок. Все это производило впечатление небольшого магазина на окраине. Плотный парящий отдышкой следователь, большой сталь-

ной шкаф с грубо вырубленными краями и скрипевший как несмазанная телега замок.

Ей даже вспомнился нелюбимый нею Есенин: «Скоро, скоро часы деревянные проскрипят мой двенадцатый час».

Ее передернуло. Следователь отвлекся от бумаги и посмотрел на нее:

– Вам, что не понятно? Может еще все прочитать?

– Нет, – ответила она, – это я случайно. Мне пылинка в глаз попала.

Следователь понимающе кивнул. Он посмотрел лицо Татьяны, потом расстегнул воротник своего кителя, встал и открыл форточку. Наверно, ему показалось, что в кабинете слишком душно.

Он не бил Татьяну. Вернее ударил только один раз. Было это в конце четвертого допроса. На нем кроме все тех же вопросов о контрреволюционной деятельности Коли и того, что не надо покрывать мужа – изменника и врага, следователь спросил о их общих знакомых. Он медленно записал их все тем же осторожным круглым подчеркиком. Потом открыл шкаф и достал другой лист. Осмотрел его и положил перед собой. Оказалось, что это тоже список. Татьяна не успела подумать, кто и когда составил его, как следователь неожиданно громко закричал:

– А почему Мильштейна и Буракина забыла!? Покрываешь!

И взяв со стола папку, он ударил ею Татьяну по лицу. Боли

она не почувствовала. Следователь посмотрел на не и осторожно положил папку. Уже в камере ей сказали, что так проверяют на слабость. Если бы Татьяна закричала или испугалась, то следователь бил бы еще. А если они не видели этой слабости сразу, то не били. Во всяком случае, сразу.

Из камеры водили под конвоем. Синий мальчик с топорщащимися ушами уже не смущался того, что водил из женских камер и должен был каждые пять минут смотреть в глазок камеры. Он не отводил глаза, но и не проявлял любопытства. Все время перехода он молчал, а потом ждал окончания допроса в коридоре.

– Так вы продолжаете отрицать, что ваш муж Константин Нейман шпион? – угрюмо снова спросил следователь.

– Да, – ответила она.

– И вы е вели с ним никакой антисоветской деятельности.

– Нет.

– И агитации никакой не вели?

– Я веду агитация только за советскую власть.

Следователь оторвался от лита и посмотрел на Татьяну:

– Я совсем не спрашиваю чем вы занимаетесь. Мы и так это знаем. Меня интересуется только то, что я спрашиваю. А когда вы даете такие ответы. Ответы не в впадет, то это мешает мне работать.

Следователь посмотрел на лист, а потом опять на Татьяну:

– Вот посмотрите, – я опять сбился. Теперь мне придется задавать вопросы вот отсюда.

– Вы не верите мне? – неожиданно спросила Татьяна.

– Почему, – следователь воспользовался паузой и протер перо о край чернильницы, – почему вы считаете, что мы не верим вам? Вы подозреваете советскую власть?

– Нет, – Татьяна видела синий воротник кителя следователя, который формировал плотную шею чекиста, придавая ей чеканную стройность, – я не понимаю, почему вы задаете мне столько вопросов, но всегда одни и те же. Постоянно одно и то же.

Следователь кивнул своей головой, осмотрел очиненное перышко и положил ручку на край чернильницы:

– Вы думаете, что у нас только вы такие вопросы задаете? Нет. Такие вопросы все нам задают. Сначала говорят, что не виновны. Потом, что не желали зла, а потом спрашивают, почему вы нас тут держите. Ответ на это простой – мы даем вам время все вспомнить и понять, что с вами случилось. Что ваше контрреволюционная борьба закончилась и что вам остается только сдать советской власти. Вот об этом я вам постоянно и говорю. Как только вы признаетесь, то мы перестанем задавать вопросы.

– А если я не соглашусь?

– А это не имеет значения, – спокойно ответил следователь, – у нас все сидят и думают, что мы не найдем улики. Но потом рано или поздно сдаются под грузом доказательств.

– Ясно, – ответила Татьяна и почему-то она поняла, что

Костя еще ничего на нее не показал, что ее арестовали как жену врага народа, а не как врага народа. Если Костя и дальше будет молчать, то она еще сможет попытаться избежать тяжелой судьбы врага советского государства.

– Вот вы нам помогите, – настаивал следователь, – расскажите, что и как было. У нас много работы на других фронтах по охране социалистической законности.

– Мне вам нечего сказать, – ответила Татьяна, – я не враг и мой муж не враг. Мы не враги. И каяться мне не в чем.

– То, что вы так уверены в себе это хорошо, – следователь переложил лист бумаги, было видно, что он устал от монотонной работы и ему тоже хочет поговорить, а может быть и помолчать, – но то, что вы так уверены в своем муже. Это особенно интересно. Но вы не можете знать враг он или нет. Хотя говорите, что не вели с ним антисоветской деятельности. Вы может и нет, а он?

– Наверное, я бы заметила.

– Не все на это способны, – следователь посмотрел на Татьяну как будто она пришла на инструктаж перед выступление на ответственном собрании, – многие считают, что знают о своих мужьях. А мужья к любовнице ходят. Пьют. И на бильярд в деньги играют.

– Мой муж не ходит к любовнице, не играет на бильярде и не пьет, – Татьяна сказала это тихо, поражаясь той простоте, с которой этот совслужащий приравнивает госизмену и измену жене.

– Это вы так считаете, а где у вас доказательства этого? Вы чем можете подтвердить то, что ваш муж не посещает любовницу?

– Я это чувствую?

– Это хорошо, – ответил следователь и надул губы, – но это ваше дело. Я бы сказал ваше личное дело. А вот что касается измены стране, вы, что можете сказать?

Она молчала.

– Вот в этом и дело. В этом вопросе чувств мало. Нам нужны надежные свидетельства того, что ваш муж не предатель. Не враг народа. Но у вас их нет. Вот мы и задаем вам одни и те же вопросы. Может вспомните вы чего-нибудь. Новее вспомните, необычное. Не замечали за ним такого?

– Я не понимаю, как он мог быть врагом? На каком направлении?

– Это правильно, – следователь наклонил голову, свет лампы отбросил тень и Татьяна заметила, как серая полоса на подворотничке пролегла параллельно синей полосе воротника кителя, – но вот из Испании наши товарищи вернулись. Бывшие товарищи надо сказать. И кто бы ожидал, что выдающийся наш журналист Светло окажется агентом. Столько лет маскировался. А оказался троцкистом. Как выехал из страны, так и вступил в связь с троцкистами. Получается, что враг не дремлет, что он-то начеку, а вот мы спим. Вернее вы спите. Вам это понятно?

– Я никогда не видела, чтобы мой муж шпионил или ин-

тересовался чем-нибудь запрошенным.

– Вот так всегда, – посокрушался следователь, – все не видят. Все не замечают. И только мы все замечаем. Но не всегда сразу. Потому и вынуждены исправлять свои ошибки. Ладно бы эти ошибки не были совсем уже критическими.

Следователь замолчал и поправил на своей груди значок «Заслуженный чекист». Он давно уже отложил перо, и было видно как ему легче без него, как проще и свободнее. Он посмотрел на лист, который не был исписан полностью.

– На сегодня все, – следователь хлопнул ладонью по столу, – даю вам три дня подумать, о том, может какие-нибудь были у вашего мужа негативные для советского человека черты. А пока идите в камеру. Но если вспомните, может сами на допрос проситься. Я здесь с девяти и часто до полуночи.

Незастенчивый боец отвел Татьяну в камеру, дежурно погромел ключами и отпер и запер дверь.

Следующий допрос состоялся через долгих семь дней. Со-камерницы уже стали гадать, что Татьяне изменили статью, что пристегнули к другому делу или пустят по большому процессу. Новый вызов на допрос пришел к вечеру. После коридоров и переходов, выкращенных зеленой краской боец завел Татьяну в камеру. И вышел.

Татьяна осталась одна. Без следователя камера казалась не филиалом продмага, а обыкновенно необжитой дырой рабочего с Судостроительного завода.

Вместо угрюмого следователя в кабинет вошла крепкая женщина в форме НКВД без знаков различия. Она подошла к Татьяне, ильными руками прижала ее к столу и, завернув юбку за пояс содрала не ее рейтузы. Правую руку она спокойно засунула в вагину Татьяне. Вынув руку она развернула Татьяну к себе лицом и, задрав ее кофточку, сдернула с нее лифчик. Татьяна стояла перед ней со спущенными рейтузами и свисающими грудями. Женщина с навыками гинеколога мясника бегло осмотрела Татьяну и влажной рукой что-то написала на желтом листе бумаге:

– Пропуск, подадите на выходе.

После того как она вышла Татьяна долго стояла в ступоре и смотрела на дверь. Она была не напугана – раздавлена какой-то простой обыденностью произошедшего. Сейчас ей

казалось, что она согласится на все, что ей скажет угрюмый следователь и подпишет все, что он ей подсунет. Потом Татьяна натянула рейтузы, заправила груди в лифчик и оправила одежду. Взяв пропуск, она вышла из кабинета.

Ей казалось, что сейчас ее завернут обратно в кабинет и придумают еще что-то. Но коридоры были пусты, а у выхода сидел боец НКВД, который не глядя, поставил на пропуск Татьяны синий штамп и пробубнил для себя совершенно буднично:

– Предоставите по месту работы. Как предоставите, они по нему вам прогулы ставить не будут.

Потом он широко зевнул и посмотрел на часы, они показывали 11,00. Татьяна поняла, что было время обеда и смены. В этот пересменок ее и выпустили из тюрьмы. Вроде, как и не стало тюрьмы. Вроде, как и было тюрьмы. Не было постоянных предложений написать донос на любимого мужа. Как не было этой камеры с сорока семью, рыдающими по вечерам бабами. И душного воздуха не движимого единственной крошечной форточкой под потолком камеры.

Все это прошло. И боец охраны, стоявший на углу здания ей даже улыбнулся. А она растрепанная и три недели не мытая, шла по тротуару, мелко переставляя ноги.

Бравый солдат Швейк Гашека утверждал, что не всем арестантам можно ходить по тротуарам, но ей видимо было можно. Во всяком случае, еще можно. Правда, почему-то ее это не успокаивало. Может в камере она свыклась с тем, что

поедет за Костей, но без Кости в Сибирь, на Магадан или Беломорканал? Может, думала, что жизнь уже прошла, а тут она взяла и началась снова. Неожиданно и нелепо. Обыск. Попуск и открывающаяся тяжелая дверь НКВД.

Выйдя из здания НКВД, она не сразу поняла, что случилось. Даже не сон и не горячка, а какой-то провал. Переступая по асфальту, она прошла три квартала, прежде чем решилась сесть на трамвай. Он довез ее до квартиры и добрая старушка – соседка не удивилась тому, что она вернулась. Она подала ей ключ, а потом принесла свое большое и много раз луженное ведро.

– Ты, как с поля, – старушка поправила платок, – трудно было?

Татьяна провела рукой по пыльному комоду.

– Ты не подумай, – быстр, сказала старушка, – как тебя забрали так никто сюда и не входил. Не зачем было это делать. Никто вами не интересовался. Домком сказал, что никто не интересовался и по вашему поводу никто не писал и не звонил. У вас даже обыск не делали.

Услышав это Татьяна подумала, а хорошо это или плохо, что не делали обыска? Может это и слушает соседей – враги народа есть, а обыска у них нет?

Что же это за враги такие?

Может ошибка?

Или может органы работают не так правильно и быстро как надо?

Пленяться органы госбезопасности и возникают большие дыры для лазутчиков и шпионов. Вот именно поэтому и гребут жен и детей врагов народа. Вот всяком случае именно об этом говорили в тесной камере внутренней тюрьмы НКВД несчастные женщины, лишённые свободы, детей и жизни. Так они были в этом уверены, но доказать не могли.

Татьяна собрала бельё и выбрала новое платье. Ей не хотелось сидеть после мытья в халате.

– А вы за бубликами не сходите, – попросила она соседу, – здесь не далеко. Можно в соседнем доме в булочной там ещё есть с утреннего привоза.

– Изголодалась там? – участливо спросила старушка, – а как же схожу, сбегаю.

Когда дверь хлопнула за старушкой Татьяна, наконец, поставила на пол большой жёстяной таз и сняла с плиты большое ведро горячей воды. Она так устала от постоянного окружения десяткой незнакомых людей, постоянно смотревших на нее, что не могла терпеть даже старушки – соседки за стеной.

Вода медленно потекла по ее телу, она текла широкими струями, сливаясь в единый поток, потом обрывалась и разбивалась о жёсть таза. Вода быстро кончила, но хотела ещё и ещё. И Татьяна вылила на себя два ведра холодной воды. Потом она стояла и смотрела в потолок. Это был давно беленый потолок их с Костей комнаты. Комнаты, в которую Косте никогда не суждено, будет вернуться. И она поняла это

именно сейчас.

Хлопнула входная дверь. Голос старушки произнес, стараясь не разрушать те мгновения спокойствия, которые уже прошли и сползли с тела:

– Я не только бубликов, но и сахара тебе взяла. Сахар хороший, надо с чаем его. Чай у вас есть. На кухне нашей стоит я его никому не отдавала. И брать не разрешала. Говорила, что как вы вернетесь, то он ваши и будет.

– Спасибо, бабушка, – Татьяна выглянула из-за двери, обернувшись в легкий халат.

– Да уж за что? Это тебе спасибо, – ответила бабушка, ее рука уже морщинистая, но еще живая протянула Татьяне кулек с баранками и сахаром.

– А мне —то за что? – не поняла Татьяна, – мне за что?

– А вот поймешь, – старушка легко поклонилась, – что все так хорошо прошло. Ты отдыхай сейчас, поешь, поспи. Ты не спеши.

Татьяна забрала кулек, а старушка, не настаивая на общении, уже растаяла в тусклом свете коридора.

Татьяна положила кулек на стол все еще покрытый посеревшей скатертью. Надо было собраться, пойти и поставить на кухне чайник. А еще было бы хорошо помыть чашку. Ту самую синюю чашку которая стояла в ее буфете. Именно сейчас Татьяна переживала период восстановления контроля над своим личным пространством и своим телом. Про тело она ничего не могла сказать. Эти недели показали ей, как

все текуче и как все переменчиво. Позавчера она была ленинградской поэтессой, вчера заключенной, а сегодня оказалась выращена из большого дома НКВД. Выращена быстро и жестко. Может именно это и показало ей все никчемность и пустоту ее места. Она мечтала о свободе пока была в большой, забитой бабами вонючей камере, а теперь переместившись в свою комнату, поняла, что этой свободы нет. И не потому, что сегодня или завтра за ней могли опять прийти, а потому, что даже здесь в своей коммунальной квартирке она продолжала оставаться в заключении.

В дверь тихо поскреблись. Татьяна протянула руку и откинула крючок белый от многих слоев краски. Старушка держала в руке свой черный чайник:

– Я воду вскипятила. Ты не ходи. Посиди, отдохни, попей чайку-то. Попей.

Татьяна кивнула в знак благодарности и взяла чайник. Ей подумалось, что старушка совсем не против поговорить еще. Так было и так, в большой камере стесненной высокими углами, когда приводили с допросов. Поговорить, обсудить, что-то, такая наивная как желание взять свою судьбу под контроль. Как будто все зависит от нас, а не от человека в гладком синем кителе подворотничок, которого сереет к вечеру рабочего дня.

Она понимала это желание соседки, но разговаривать о совместном заключении и той клетке прописанной для всех у нее не было сил.

– Хорошо, хорошо, – поняла старушка, она отдала чайник и опять пропала.

Татьяна не понесла нквдэшный пропуск на Радио. Она взяла больничный на три дня. Врач не глядя на нее, прописал ей контрастный душ и усиленной питание, оговорившись, что ей надо больше спать и больше гулять.

Ничего этого Татьяна не рассказала Коле. Не рассказала об унижительном обыске и той красной полоске застывшей крови на внутренней поверхности бедра, которую она долго оттирала хозяйственным мылом стоя жестяном тазу.

Не сказала она и того, что давно готова отказаться от Кости. Отказаться как от вырванной руки. Так сложилось, а ее упорство ничего уже не решало.

Вечером Коля пришел. Он осмотрел ее комнату. Прошелся из угла в угол, как бы примеряя на себя эту небольшую, но все ее чужую комнату.

Потом он настойчиво бубнил, расписывая прелести своей версии ее освобождения от Костиной тени. Татьяна нечасто кивала, подсказывая Косте как он прав, и раззадоривая его на новые подвиги. Сейчас ей было важно не получить свободу, которой как она прекрасно понимала уже никогда не будет, а убедить Колю с том, что эта свобода пришла к ней из его рук. Пусть он думает о ней как о верной возлюбленной и терпеливой жене. Наверное, ему так легче будет жить.

6

– А ты знаешь, – спросил Коля, отодвинув край занавеси и посмотрев на улицу, – я и сегодня и завтра оформил себе без содержания.

– Отпустили? – ехидно спросила Татьяна.

– Как видишь, – пожал плечами Коля, – наверно не сильно во мне нуждаются.

– Или наоборот так сильно, что дает отдохнуть. Ждут когда ты, наконец, устроишь свою личную жизнь.

Коля посмотрел на нее и отвернулся. Татьяне показалось, что именно сейчас он и решил устроить свою личную жизнь.

– А ты без тортика пришел, – спокойно сказала она.

– Я не люблю этого мещанства. Торты, вино балыки, колбаса. Почему-то перед встречей необходимо обязательно посетить бакалею.

– А ты предпочел бы обойтись без этого?

– Так сказать долой мещанский быт.

– Мещанский быт, – повторила Татьяна, – знал бы, насколько я была далека от этого мещанского быта последнее время.

Коля встрепенулся:

– Мне, что сбегать в магазин, – он посмотрел на часы, – там еще открыто. Здесь не далеко.

Татьяна вздохнула. Коля был наивен и, наверное, не под-

ходил для ее новой жизни. Но этой жизни не будет, понимала она. Ей было все, равно как и что будет. А Коля был по-дорожником приложенным к открытому перелому.

Коля неуклюже, по топорному подошел. Она отвернулась и прижала руки к груди.

Вечером Коля неумело и неосторожно рвал ее комнате светлой коммуналки. Казалось, что ему не терпится вступить во владение этой женщиной. Так вели себя те, кому давали ордера на новые квартиры. Они ходили, придирчиво осматривали комнаты, как будто раньше они жили в таких, удивлялись воде текшей из – под крана и наполнявшей ванную.

Так вел себя и Коля. Он резко, но неумело ерзал своими руками, брал, то ее бедра, то грудь, то пытался пропихнуть руку ей между ног. Это походило на какую-то борьбу или массажную терапию. Но Коля старался. Старался понравиться ей и понравиться себе.

Закончив он как-то сжался, вскочил торопливо застегнул свои брюки и лег рядом. Она была благодарна ему за то, что он сразу ничего не спросил у нее. Отвечать было бы и вовсе невыносимо.

Татьяна спокойно приняла это, да и три месяца без мужчины было немалым сроком. Но уже в первый раз ей становилось понятно, что Коля совсем не как Костя. Тот был хозяин, он брал не спрашивая, поэтому она не стеснялась ни

тонких стен комнаты, ни смазанной, но скрипящей кровати. Коля был другим, когда пройдет первый раж, он станет милым, ласковым и послушным, ручным кобельком. Будет бегать в магазин за городскими булками, даже, наверное, готовить.

– Я хочу привезти свою бритву, – мне неудобно будет ездить от тебя домой, – уверенно сказал Коля.

– Привози, – ответила она.

– Хорошо.

– Все привози, – сказала Татьяна, – все, что есть. Завтра я освобожу тебе полку в шкафу.

– Да куда столько, – обрадовано ответил он, приняв это ее решение на счет своих постельных умений, – у меня и вещи узелок. Бритва, белье, пальто и шапка.

– Шапка? – переспросила она.

– Да шапка. На зиму.

– На зиму, – она подумала, что до зимы они уже доживут, – а как же на осень?

– Осень? – Коля замялся, – все не могу решить, что мне надо. Шляпы вроде вышли из моды, фуражки для руководителей.

– Купи кепку, – посоветовала она.

– Кепку? Я думал. Помнишь как у Блока «Одел кепку. Езжу в трамвае. Хочется толкаться».

Коля довольно хохотнул. Она поняла, что этот смешок отнесен к их близости, а совсем не головному убору.

- Но осенью, без кепки ты простудишься.
- И ты будешь лечить меня, – продолжил Коля.
- Буду, – но лучше бы тебе ее купить.

Коля с порога потянул носом воздух:

– Ты опять курила?

– Я всегда курю.

– Ты много курила.

– Я всегда много курю.

– Тебе нельзя.

– Почему?

– Тебе вредно. Это всем вредно, а тебе особенно.

– Да. Я знаю. Тебе сложно понять, но мне там в это тюрьме

вынули душу.

Коля осторожно приткнул кулек с продуктами на буфет:

– Ты хочешь сказать, что они там с тобой плохо поступали?

Татьяна посмотрела не него. Странного человека, на которого можно опереться только тогда, когда рухнуло все, и ты копошишься под этими завалами. Коля смешно пытался строить их новый быт. Быт двух чужих, приткнувшихся друг к другу не в счастье, а в горе. Впрочем, особенного горя в Коле не было. Иногда Татьяне казалось, что в нем вообще нет ничего. Бывают люди, переполненные чем-то, а Коля был переполнен пустотой. Пустотой их нового быта. Он уже снял свой коричневый пиджак, которые носил, как он шутил сам восемь дней в неделю, и повесил его на свежее вбитый

гвоздь. Этот гвоздь был первым весомым вкладом Коли в их новый быт.

Татьяна посмотрела на наго и отвернулась к окну. Потом опять посмотрела на суетно копошившегося Колю. Это и был образ ее падения. Ленинградская поэтесса, живущая с серо-коричневым преподавателем русской литературы первой половины восемнадцатого века. Коля учил студентов литературе того периода когда и грамматики русского языка существовало.

Татьяна опять посмотрела на Колю:

– В тюрьме у меня был выкидыш.

Коля на секунду остановился, обдумывая, что-то и громко спросил:

– Ты уверена?

Татьяна отвернулась от него и медленно достала папиросу из пачки:

– Сегодня присели платежку. Мне перевели деньги из газеты за прошлый месяц. Такова наша справедливая власть. Есть или нет за тобой вины, но тебя выпустят, а вот деньги обязательно вернут.

Коля подошел к ней, он уже перестал насыпать конфеты в вазочку:

– Ты не ответила.

– О чем, – Татьяна, чиркнула спичкой, посмотрела на нее и медленно раскурила папиросу. Выпустила клубочек дыма и он сразу осел на бело-серой раме цвета подворотничка то-

варища следователя.

– О выкидыше, – Коля пристально смотрел ей в лицо.

Она посмотрела на форточку, которая одна и делала это окно открытым. Коля был очень прост. Прост.

– А что это меняет?

– Сейчас ничего.

– Тогда о чем говорить? – Татьяна повернулась к Коле, – это был ребенок Кости. Нет ни отца, ни ребенка.

– Я не о том, заметно смутился Коля, – не о том.

– Конечно, – она смотрела на надоедливый бело-серы цвет окна, – ты спросил почему я сейчас много курю. Вот «Казбек» это то его мне больше всего и не хватало в тюрьме. Там не выдают папирос представляешь.

– Но там, наверное, есть махорка, – предположил Коля.

– Нет там никакой махорки, – ответила Татьяна, она уже докурила папиросу и хотела положить окурочек в пепельницу, но та была полна

– Там вообще нет ничего. Кроме нар, параши, супа, который зовут балладой и воды в бачке.

– А что про выкидыш? – переспросил Коля.

– Ничего, что может быть я просто сказала, почему я много курю. Тебе ведь это интересно.

Коля собрался и сказал то чего она ждала, собственно другого сложно было предположить:

– У тебя, у нас еще будут дети.

Татьяна кивнула, воткнула окурочек в пепельницу среди

других ему подобных и взяла следующую папиросу.

Жизнь налаживалась, как могла наладиться упавшая под откос электричка. Что-то могло быть затащено обратно на рельсы, а что-то досталось бы местным колхозникам. Они приспособили бы все это в своем хозяйстве, попилили лавки на дрова, устроили из вагонов сараи, а уцелевшие стекла вставили бы в окна домов. Уцелевшие стекла это так хорошо звучало на фоне бело – серого окна имени угрюмого товарища следователя. Что-то уцелело и из ее жизни. И тогда ей казалось, что много.

Бело-серый цвет неожиданно заполнил жизнь. Днем, когда Татьяна пыталась написать что-то для детей и юношества или для детей – юношества, перед окнами остановилась машина скорой помощи. Медбрат выел Колю из задней двери, а уже через минуту Татьяна слушала врача в сером колпаке и белом халате.

– У Вашего мужа были эпилептический приступ. Прямо на лекции. Солнечный свет и мелькание веток и листьев деревьев за окном могли вызвать приступ. Мы даем ему больничный на три дня. А потом надо бы явиться в районную поликлинику.

Татьяна кивала искоса смотря на Колю, тот был стоял низко пустив голову, на искусанных губах запеклась пена и кровь.

– Мы сделали все уколы, – продолжил врач, – но больному

сейчас надо лечь в постель. Пусть поспит.

Татьяна откинула покрывало, обнажив бело-серую простыню. Коля послушно, так уходили отчаявшиеся из камеры на допрос, свалился в кровать.

Она выскочила из квартиры вслед за врачом:

– Доктор, – это что?

Врач осторожно прикрыл дверь в коммуналку:

– Это приступ эпилепсии. Сейчас мы ее хорошо лечим, но нужно посмотреть будут ли другие приступы. Возможно, что и не будет. А может быть это вообще случайность. Вы не расстраивайтесь так, мы вообще первый приступ не фиксируем. Он может быть вызван случайными причинами. Переработал человек или на солнце перегрелся.

Доктор участливо сжал руку Татьяны и стал спускаться по лестнице.

В комнате она долго смотрела Колю. Маленький, нескладный человечек в котором не было ничего мужественного был комично обернут простыней. «От великого до смешного» вспомнишь ей слова Бонапарта, но в ее жизни не было уже, ни великого, ни смешного. Был стол с замученными листками исписанных строк. И муж – больная опора, надежный как осыпавшаяся каменная стена.

Татьяна присела на кровать рядом с Колей. Ее поразили контраст его серого лица и серой простыни. Такая разница между бывшим и ставшим.

Вечером Коля еще спал, когда он дернулся, рот открылся.

Коля затрясся, и изо рта полетела кровавая пена. Эта пена неряшливыми пятнами пачкала серую подушку.

Когда приступ закончился, она схватила себя за виски и долго сидела так. Слом жизни был там – когда в темноте ночи раздался резкий звонок в общую дверь коммуналки и люди с белыми подворотниками заполнили ее жизнь серым цветом.

8

Татьяна сидела на кровати, обняв колени и раскачиваясь взад-вперед. Коля был растерян. Он ходил по комнате. Смотрел на Татьяну. Наконец он решился и спросил:

– Тебе плохо? Ты о чем-то думаешь?

Она посмотрела на него:

– Думаю, неужели все это может так быстро закончиться?

– Что закончиться? – не понял Коля.

– Как что? – она пожала плечами, – жизнь.

Коля громко потер шок пальцев. Разговор был ему совсем не приятен.

– Со мной в камере женщина была. Ее муж в нэкавэде служил. Она рассказывала, что расстрел быстро происходит. Приводят в специальную камеру, там прокурор зачитывает приговор. Потом приказывают встать лицом к деревянному щиту. Стреляют в затылок и все. Даже звука не услышишь.

– Не услышишь? – тихо спросил Коля.

– Скорость пули быстрее скорости звука. Поэтому звука выстрела расстреливаемый не слышит.

Татьяна замолчала, а потом сказала:

– Знаешь, они в нэкавэде юмористы. Называют расстрел высшей мерой социальной защиты. Юмористы и эстеты. Любят расстреливать из немецких «Вальтеров». У них пуля мощная и убивает сразу. А наши ТТ и «наганы» иногда че-

реп разносят на куски. Крови больше, мозги разлетаются.

– Это все? – резко спросил Коля.

– Нет, – покачала головой Татьяна, – потом трупы грузят в машину, брезентом накрывают и везут хоронить. Ямы роют заключенные, которых потом в лагерь увозят. А закапывают сами сотрудники органов.

Коля нервно потер руки:

– Когда я спросил все, я имел ввиду, что может, хватит?

– А тебе не интересно? – грустно улыбнулась Татьяна.

Коля промолчал.

– Сначала ее мужа – нэкавэдешника забрали. А через неделю ее. Он за неделю все подписал. Она пошла по делу как жена врага народа. С ней, следовательно по – настоящему работал, а не как со мной.

– Как это «по-настоящему», – спросил Коля.

– Как? – Татьяна снова стала раскачиваться на кровати, – как? Ставил в угол на колени на восемь часов. Вызовет на допрос. Прикажет встать в угол. Она и стоит. А он чай пьет. Газеты читает. Кроссворд разгадывает. Потом, как рабочий день закончиться, вызовет конвоира. Она сама идти не может, конвоир ее в камеру и притаскивал. Она ночью спать не могла, так у нее ноги и колени отекали. Лежала и плакала. У нас вся камера плакала. Все шли по делам как родственники врагов народа. У кого отца взяли, у кого мужа, у кого брата. А мы причем? Но такова наша женская доля.

Коля кашлянул и заерзал на стуле.

– Потом он ее стал линейкой по грудям бить. Прикажет блузку задрать и бьет. Когда по соску плашмя линейкой попадет, а когда и ребром. Тебя, Коля никогда не били по соскам линейкой?

Коля оторопело посмотрел на Татьяну и замотал головой.

– Это больно, поверь, – усмехнулась она. А когда и это не сработало, стал грозить перевести ее в камеру бытовичек.

– Бытовичек? – переспросил Коля.

– Ну да. Уголовниц, которые идут по обычным, бытовым статьям. Они политических, тех кто, вроде за политику сидит, ненавидят. Классовая ненависть. Избивают и насилуют не слабее мужчин. А если женщина красивая, то изуродовать норовят. Нос сломать, зубы выбить, шрамы на лицо оставить. А если бы уголовные узнали, что она не только шпионка, но и жена бывшего сотрудника органов, оказавшегося предателем, ... то недолго она бы прожила. Но ее даже не это волновало. Волновало ее то, что муж быстро раскололся. Раскололся, по нэкавэдешному значит, признал вину. Говорила, что он все знал и если так быстро подписал, то или били крепко или был муж с говнецом. Так и говорила с говнецом.

Коля поднялся и подошел к окну. Поправил занавеску. Потом посмотрел на Татьяну.

Она перестала раскачиваться и тяжело вздохнула:

– Все эта опытная дама о себе знала. Мы, плакали и гадали, что с нами сирыми будет, а она все знала. Говорила, получу двадцать пять как жена врага народа и пять лет пора-

жения в правах. Потом в Астрахань, там тюрьма для семей врагов народа. А уже оттуда в лагерь, а там как повезет. Если с бригадиром или нарядчиком сойтись сразу, пока в старуху не превратилась, то можно срок и оттянуть. Или прожить по – дольше.

– Ты можешь, об этом не думать, – наконец не выдержал Коля.

– Не думать, – переспросила Татьяна, – так я об этом и не думала. И когда слухи ползли, что берут всех подряд, не думала. И когда Костю взяли не думала. Даже когда саму арестовали, не думала. Когда в арестантской машине ехала с конвоиром у двери не думала. Считала, что ошибка, сейчас приедем и там все разрешиться. И когда в следственной тюрьме заново прочитали ордер, а потом заставили расписаться, не думала. И только когда приказали, догола для осмотра раздеться то поняла, что в Большой дом я попала надолго. А есть те, кто не верят. Сидят и не верят. Говорят – вы все правильно сели, а я по ошибке. Ничего скоро все станет ясно. Сидят и на что-то надеяться.

– Тебе надо кому-нибудь выговориться? – наконец заключил Колю.

– Да, – ответила она и ясно поняла, что Коля не тот человек, которому можно исповедоваться. И что связь с ним это ошибка и продолжение ее тюремных страданий.

9

Еще весной сорокового, в той старой жизни, Татьяна познакомилась с Мишей.

Как предать все чувства той весны, вскоре ставшей последней предвоенной весной?

Казалось, что террор уже позади. Людей не хватали пачками, и они не исчезали подъездами, домами. Войны тоже не было. Уже больше года как на Карельском перешейке отгремели пушки, а город освободился от раненых и обмороженных красноармейцев. Поезда снова ходили по расписанию, а стояли, часами пропуская длинные воинские эшелоны на незначительную войну с белофиннами.

Казалось, мир замер. Пусть он еще не наступил, но уже не было совсем уж запредельного страха, не было тоски по уже арестованным или тем, кто должен был сесть за родителей, братьев, сестер, коллег и товарищей. Взгляд не упирался в калек – красноармейцев, а мысль при этом не перебирала знакомых юношей, которым могли бы так же мгновенно превратиться в безрукого инвалида, выживающего в нищем колхозе.

Да что так говорить – в эту последнюю предвоенную весну все знакомые были живы. Еще не было бесконечных перечислений мертвы домочадцев, соседей, одноклассников, однокурсников, коллег и знакомых. Улицы Ленинграда были

заполнены народом, который только и радовался весне.

Миша был доцентом кафедры филологии университета. Это был милый, наверное, наивный, но целеустремленный человек.

Возникло ли чувство? Так она не могла сказать, ее связывали тяжелые, мутные отношения с Колей. Коля появился в тот самый момент, когда она была раздавлена арестом и пропажей Кости. Коля только сформулировал ее мысли и оформил их. Иногда ей казалось, что она только хочет переложить ответственность на несчастного Колю.

Ее с Колей объединяла совместная коммуналка, два выкидыша и желание выжить, а возможно и жить. Много изменило начало колиной эпилепсии. Она случилась неожиданно и врачи не могли ему помочь.

Миша был иным. Коля был попыткой выплатить из водоворота и, отплевавшись водой пытаться дышать. Миша появился в ее жизни, когда цвела сирень, а милиционеры не гоняли старушек, торгующих полевыми цветами. На чисто мытых улицах Ленинграда пахло весной и щемящей надеждой. В это время Миша со своей застенчивой улыбкой вошел в ее жизнь.

Встретились они на творческом семинаре в университете. Она читала свои стихи, а потом долго спорила с филологами о своем творчестве. Почему, большинство пытались ее сравнивать с Маяковским, будто не было иных поэтов. Ее немного удручило, что даже в этой весенней аудитории был

легкий муар страха и осторожности. Но весна сорок первого не предполагала уныния.

Миша сидел и слушал ее с легкой улыбкой. После окончания семинара он дождался ее и представился и поклоном: Михаил Таутин. Можно просто Миша.

Она засмеялась. Ей все еще льстило внимание молодых мужчин, даже если это были пыльные книжные черви.

– Пойдемте, просто Миша, – прогуляемся, – она протянула ему руку широким жестом, от которого все оборвалось внутри.

Гуляли они долго. Белые ночи еще не наступили, но в сумраке они хорошо различали друга друга. Расстались они со смехом, так же как и встретились, и она успела на последний автобус.

Водитель автобуса был улыбчив, а женщина – кондуктор хмурилась: половина автобуса была заполнена веселыми девушками, а другую половину составляли радостные молодые мужчины. С песнями автобус останавливался, а его пассажиры весело желали удачи покидавшим его.

Миша стал весенним подарком для нее. Но был Коля. Несчастный, больной и обреченный. Ее судьба была с ним сплетена, и она боялась настоящего, широкого счастья. Ей казалось, что лучше жить, так как сейчас.

Но все как-то наладилось. И заплаты, наложенные на быт держались. Татьяна много печаталась. Коля часто болел, но все еще преподавал, врачи уже заговорили о инвалидности. Н ее не пугала жизнь. Денег их бездетной семье хватало. А Коля и получив группу, мог бы работать внешкором в какой-нибудь газете.

И не смотря на все их несчастья и болезни летом сорокового Татьяна ощутила то, что беременна.

Как все наученные неудачными беременностями она долго боялась проверить. И только когда врач подтвердил, что все нормально и беременность идет хорошо она открылась Коле.

Коля как каждый хронически больной человек обрадовался, закричал, стал бегать по комнатке. Она пыталась его успокоить, но приступ все, же случился. Так, Татьяна и запомнила вечер осознания беременности: стынущий чайник, нетронутые пирожные птифуры в вазочке и муж, лежащий в беспомощности на кровати после припадка.

Наутро она пошла и взяла в профкоме две путевки в дом творчества – себе и мужу. Профорг сначала начал говорить, что у литработников и у научных работников разные дома отдыха и вообще это разные профсоюзы. Но Татьяна зашипела на него:

– Вы постоянно просите писать вам выходные, вне формата и тиража. Я бегаю между домом и Радио, так дай те один раз путевку и моему мужу. Он очень больной человек. И она выложила на стол заключение врачей с рецептом люминала.

Из Дома радио она шла в аптеку за люминалом для Коли. Купит его требовалось много на все два месяца их жизни в Доме творчества. Пока она шла, о чувствовала, что ребенок внутри е стал двигаться. Это было так медленно и осторожно, но все более и более настойчиво.

Дома она рассказала об этом Коле. Муж, утром переживший еще один припадок обрадовался, она силой усадила его на кровать:

– Не хватало нам еще хлопот и проблем до того как поедем отдыхать.

Коля согласно закивал:

– Но мне надо взять отпуск в институте.

– НЕ надо, – Татьяна положила на стол путевки и рассматривала их, – я завтра пойду и возьму тебе больничный, а потом и добьюсь отпуска. Ты сиди дома и отдыхай. Не хватало бы, чтобы ты устроил припадок в поезде.

– Вот, – она выложила несколько упаковок люминала, – здесь на три месяца. Хват.

– И с запасом! – подтвердил Коля.

– И с запасом, – кивнула Татьяна.

– А ты не думала, как мы его назовем?

– Как?

Почему-то именно такой истинной мужской подход к деторождению. Когда между эякуляцией и рождением ребенка нет ничего не покоробил ее.

– А ты думаешь, кто это будет, – спросил Коля, обняв ее за полнеющую талию.

– Почему-то я думаю, что это будет мальчик.

– Мальчик, – кивнул Коля, – можно Артемом назвать.

– Артем, – повторила Татьяна нараспев, чувствуя толчки внутри живота, – можно Артемом. А можно Семеном.

– А почему Семеном? – спросил Коля.

– Рифмуется Артем – Семен, Семен – Артем.

– И верно. И как тогда?

– Семен более доброе имя. Такое домашнее. А Артем звучит как лозунг первой пятилетки.

– Тогда Семен, – согласился Коля.

– Хорошо, – так и будем его звать, – улыбнулась Татьяна.

А потом была новая пропасть. Пока они ехали из Ленинграда в Москву на «Стреле», а потом добирались электричками до Переделкино Татьяна ощутила то, что Семен перестал двигаться. Коля все еще блажено улыбался и постоянно глотал люминал.

В Переделкино Татьяна сразу сказа об этом проницавшего их врачу. Та подняла очки и прямо посмотрела на не:

– Дорогуша, я не гинеколог, а вам надо быстро решать пака не началось кровотечение. Езжайте в Москву и не оттягивайте.

– Но электрички уже не ходят.

Врач посмотрела в окно:

– Да, поздно. Ищите машину у наших дачников и езжайте в дежурную больницу. И немедленно.

Татьяна вернула в комнату, куда уже заселился Коля. Он выслушал все это и осел как мешок.

Татьяна взяла свою сумочку и пошла к Чуковскому. Корней Чуковский был главой местных дачников. Недавно его провозгласили живым классиком, наградили орденом Ленина и подарили автомобиль.

Татьяна вошла в дом Чуковского, дверь которого была отворена не смотря на поздний вечер. В коридор вышла домработница:

– Корней Иванович в столовой. Но что-то вы припозднились.

– Спасибо, – ответила Татьяна, – и прошла в столовую.

Там Чуковский показывал своим внукам и их товарищам какие-то картинки. Дети показывали пальцами на них, рисовали карандашами и были счастливы. Татьяна не подумалось, что если бы дедушка Ленин когда-то и был, то он должен был выглядеть именно так.

Чуковский поднял голову и присмотрелся сквозь приспущенные очки:

– Танечка? Танечка? Как вы к нам?

– Корней Иванович нам надо поговорить, – сразу сказала Татьяна.

– Хооорошоо, – протянул Чуковский, которого удивил поздний визит, но не удивило предложение Татьяны.

В соседней комнате, где уже не были слышны голоса детей Татьяна быстро пересказала всю свою историю.

– Вы хотите ехать прямо сейчас?

– Да ответила она.

Чуковский кивнул и вышел в коридор. Треск диска набираемого номера сменился мягким голосом Чуковского:

– Иван Васильевич, не хотел бы вас тревожить. Дело позднее, но заболела одна очень хорошая женщина. Ее надо срочно вести в дежурную больницу в город.

Чуковский повесил трубку и вернулся в комнату к Татьяне. Взгляд пожилого человека был сочувственным и мягким:

– Танечка о вас ничего долго не было слышно. У вас все было хорошо.

Татьяна покачала головой.

– И вы практически перестали писать. Давно не помню, чтобы выходили ваши новые стихи.

– Я пишу для радио, – сказала Татьяна.

– Я не слушаю радио Танечка, – Чуковский присел на подлокотник низкого кресла, – все так печально.

– Да, – четко ответила Татьяна, – я сидела в НКВД, потеряла там мужа и ребенка.

Чуковский покачал головой.

– А сегодня я теряю последний шанс стать матерью.

От окна донесся гул двигателя автомобиля.

– Танечка, успеха вам, – Чуковский поддержал ее под руку, – Иван Васильевич отвезет вас на моей машине в Москву.

Чуковский быстро набросал несколько цифр на листке бумаге:

– Вот мой телефон. Как все определиться немедленно позвоните мне. Сообщите мне, что и как.

Татьяна взяла листок, положила в карман и вышла. Автомобилем Чуковского оказалась новенькая Эмка. Черная дверь с трудом подалась. Шофер, которого звонок Чуковского выдернул из дома, выглядел как нахохлившийся воробей. Татьяна села сзади. Эмка медленно двинулась, выхватывая светом фар забор дач и деревья.

– Не знаю, какая там дежурная больница, – сказал шофер, – доедем до Москвы там в первой и спросим.

Через три дня Татьяна вернулась в Переделкино. Коля сидел в комнате. Рядом с ним стояли два распакованных чемодана.

Она посмотрела не него и сказала:

– Не разобрал вещи?

Коля испуганно смотрел на нее.

– Не разобрал, – повторила она.

– Нет, – ответил он.

– И хорошо, – сказала Татьяна, – скоро уезжаем нам здесь больше делать нечего.

– Нечего? – переспросил Коля.

– Да. Ты выноси вещи, а я пойду, отмечу путевки у главного врача.

Коля уныло уткнулся ей в плечо:

– Все?

– Все.

– Но.

Татьяна погладила Колю по голове, он куда больше нуждался в жалости, а не в утешении:

– Врачи сказали, что можно будет попробовать родить ребенка через год.

– Через год?

– Да. Нам надо идти.

– Хорошо, – Коля пошел к чемоданам, – тебя у входа ждать?

– Да, иди я тебя там найду.

Война. Говорят война все изменила. Неправда. Или полуправда. Для нее – Татьяны война стала импульсом, толчком, сделавшим ее стихи осмысленными и эмоционально насыщенными. Только себе и только поздно ночью, она признавалась в том, что ее настоящее творчество, а не стихи о Ленине стоит на пирамиде в основании которой припухшие и алчно обглоданные трупы детей, тела взрослых сдержано и тихо умерших возле станков и в хлебных очередях, а на самом верху испитые трупы стариков, с которых совершенно невозможно было срезать и ленточки мяса, а внутренности припаялись к груди и хребту.

Они умерли, не узнав о ней, а она не знала о них. Да за всю блокаду она видела не больше дюжины мертвых. Они лежали на улицах уже занесенные снегом. Белые продолговатые бревна не имели живого человеческого содержания и не производили никакого впечатления. Но они – мертвецы были, она о них знала. Они и стали дровами ее послевоенного творчества. Того самого пламени которые и мог вспыхнуть на пепелище личной жизни. Творчества в котором она уже не лебезила и не боялась. Не боялась, хотя и вздрагивала ночами от удара закрывшейся соседской форточки.

Только оказавшись перед военной пропастью, она реши-

лась узнать о Косте. Ее поход в большой дом был коротким. В регистрационном окне женщина среднего возраста с бегающими заячьими глазами посмотрела паспорт.

– Вы понимаете, – заученно сказала она, – сейчас нет никакой возможности что-то узнать. Те, кого уже осудили и этапировали вообще проходят не по нашему ведомству. Их в другое передают.

Она уже собиралась вернуть паспорт, когда еще раз прочитала ее фамилию.

– А вы та самая Бертольц? – спросила женщина и ее глаза скосились одновременной на паспорт и на Татьяну.

– Та самая, – спокойно ответила Татьяна, не понимая быть той самой это хорошо или плохо – я на радио стихи читаю.

– Да, да, – повторила женщина, потянувшись к здоровой трубке черного телефона, но посмотрела на очередь стоящую за Татьяной и остановилась.

– Вы знаете, что, – поспешно сказала она, – я вот здесь напишу на листке и оставлю следующей смене. Ночью людей не будет. Будет, не меньше, их через другой отдел будут отмечать. Тогда ни и посмотрят. Вы зайдите через день.

– Хорошо, – Татьяна забрала паспорт и прямая как толстовская княжна Мери вышла из здания НКВД.

Завтра и послезавтра она не пошла в большой дом. Костя пропал, а война просто окончательно перевернула лист его дела и их жизни.

Она подумала, что могла бы так же. Как там было в ру-

копсиях Пушкина. Там где был рисунок пяти повешенных декабристов. «И я так мог», – размашисто написал Пушкин. Как будто после этого он мог бы поделиться счастьем казни. Нет, не был поэт ни в тюрьме, ни в настоящей ссылке. Он скользил по жизни легко, в чередке прочего, примеряя на себя и балахон казнимого. Побудь он в их шкуре, то выскочил бы как ошпаренный и никогда и не решился бы писать такое.

Допрос лично государем императором Николаем Павловичем, это не ежедневные перечитки «где, когда с кем, кого и куда, была, не была, привлекалась, не привлекалась, знала, не знала». Государь просящий дать честное слово, это не переписывающий протоколы допроса круглым подчеркиком трехкляшки, упорный рабкадр.

«И я там мог быть», это совсем не то же самое как ее «и я бы так могла».

Могла. И уже давно была бы занята их комнатка в коммуналке. А она была бы водовозом или прачкой в лагере. И, наверное, уже бы умирала. Или умерла.

«И я бы так могла» в советской стране как камень в колодец. Бульк. И только тишина. Даже кругов нет. И не будет. Канул, Костя так, что даже справки от него не осталось. Последний документ, в котором он упоминался, это решение ЗАГСа о разводе его с гражданкой Бертольц Т. Все. А дальше пустота.

Думая так она дошла от остановки трамвая до своей квартиры. Коля, пытавшийся не ревновать сидел в углу. Он

смотрел на нее и жалостно и грозно:

– Сходила?

– Да, – выдохнула она.

– Понравилось? – в его словах была какая-то скрытая радость. Он уже понял, что она ничего не достигла. И теперь радовался.

Татьяна медленно стянула платок и посмотрела на его:

– Тебя бы туда.

– Я не шпион. И не враг народа.

– Конечно, – она повесила свое летнее пальтишко и бросила платок на стол.

– Я те же говорил «не ходи».

– Сходила и что?

– Ничего, – Коля потер шею, – сейчас война и амнистии не будет никому. Иначе не бывает. А в органах такая суматоха, что не до твоих вопросов.

– Мне уже объяснили.

– Так к чему же ты тогда ходила?

– А я не для него ходила. И не для тебя. Я для себя ходила.

Посмотреть что и как там.

– Посмотрела? – поклонился, коля из своего угла.

– Не ерничай, – тихо ответила она и села на стул, – мы можем эту войну и не переживем. Так тяжело нам будет, что никогда нам было.

– Ты прям как товарищ Сталин рассуждаешь.

– А вот и не верь, что у поэтов есть чутье. Без его нель-

зя. Стихи без него никак не складываются. Пляшут строчки. То одно слово лишне, о другое. Или только когда тебя чутье есть, о все наоборот идет. Ты уже видишь, как стоять стих. Как размер взять.

Коля усмехнулся горьким смехом. Ему безнадежно больному, видимо, яснее ее было понятно, что именно он эту войну и не переживет. Выкосит эта война самых сильных и самых слабых. Больных, молодых, сирых старых. Ему прикованному люминалом к ленинградской аптеке никуда не уйти.

Татьяна потеряла руку, они были бледные и красными полосами там, где она сжимала свою сумочку:

– Я поняла, что нам не избежать войны, когда началась гражданская война в Испании. Но тогда меня поразило, что англичане и французы как спокойно восприняли то, что фашисты влезли в эту войну. Они только смотрели как немцы, и итальянцы шлют в Испанию танки, пушки, самолеты, пулеметы, горы снарядов и патронов. Казалось. Что англичан и французов не трогает то, что сотни немецких танкистов и летчиков получают боевой опыт в Испании. А для меня поражения республиканцев всегда отзывались большой болью, чем ближе фашисты были к Мадриду, тем ближе они были к советским границам.

– Таня, – выкрикнул надрывно Коля, – ну не надо. Пожалуйста, е надо. Сейчас не надо. Не надо!

Татьяна покачала головой. В висках стучало и она поняла, что сегодня наступает ее прощание с двумя мужчинами –

Костей и Колей. Оба еще живы, но уже обречены. «И я так могла», но нет вот ее — то все это пока минует. Почему она не знала сама. Она обернулась к Коле, которого готова была ненавидеть еще три минуты назад, за ехидный и подлый вопрос о том, как сходила. Сейчас их глаза встретились — взгляд обреченного вскорости умереть мужчины и взгляд навсегда бездетной женщины. А между взглядам проскочило отторжение и пустота.

«И я так могла».

Могла.

24 июня пришел домком. Он постоял в двери, покрутил своими рачьим глазами и выдавил неуклюжее:

– Вышло постановление. Нас сегодня ознакомили – всем сдать радиоприемники. У вас по моей записи есть приемник. Будьте добры, сдайте.

Коля, открывший дверь домкому, растерянно посмотрел на Татьяну. Она пожала плечами:

– Я сотрудник Радиокомитета. Меня это не может касаться. Радио – моя работа. Как я буду слушать мои сообщения и стихи. Мне необходимо слышать и чувствовать, как они звучат для простого человека.

– Да, – Коля, потряс головой, – ей без приемника никак нельзя.

– Тогда, – домком покосился на огромный лакированный ящик их приемника «Телефункен», – вам надо бы бумагу об этом предоставить. Я знаю, что вы на радио работаете, а вот ваш муж на радио не работает. Получается, что для вас радиоприемник это для работы, а для него как? Если бы вы одна жили, то конечно вопросов не было бы. А так бумага мне нужна. И копию ее себе оставьте. Вы сами понимаете время сейчас военное на все своя бумага должна быть. Без бумаг в такое время нельзя. Ни вам, ни мне.

Татьяна поправила складку на платье:

– Какая бумага? И по, какой форме?

– Вот этого я не знаю, – отрезал домком, – мне позвонили, яс утра всех обошел. Вы даже не открыли. Вот вечером пришел. Все приемники надо сдать мне под опись. Я их перенесу в подвал и опечатаю там все. Все и сразу опечатаю. Когда разрешат – верну. Но понятно, что после победы. А какая бумага нужна, чтобы приемник оставить себе я совсем и не знаю. Может, в вашем Радиокomitee знаю.

– Хорошо, – махнула рукой Татьяна, – раз бумага вам нужна, то будет вам бумага.

Коля все еще стоял рядом с домкомом, держась на щеколду замка.

– Но вы поторопитесь. Это непорядок, если приемник у вас стоять будет без бумаги, – домком все никак не решался переступить порог комнаты и уйти, – я все приемники собрал. Репродукторы можно оставить. Говорят, что скоро всем принесут бесплатные репродукторы. Поэтому и непонятно мне, зачем вам еще и приемник. Но если надо по работе, то я понимаю. Но долго не смогу молчать —то. Наверно дня два – три, а потом продеться сигнализировать. Отчет ведь потребуют. Завтра вряд ли. А вот уже после завтра позвонят мне и спросят: сколько приемников собрал и какие остались у владельце в почему. А отвечать мне, что? Про Радиокomitee и по работу вашу? Поэтому запаситесь справкой, бумагой значит. Она и мне нужна будет и вам пригодиться.

Домком, наконец, замолчал и обвел глазами комнату:

– Знаете, а Ивакины уже часть вещей вывезли. Сегодня как приемник у них брал, они их упаковали и передали с машиной. Говорят родственникам в область. А кто проследит?

Коля пожал плечами, ему надоело стоять на сквозняке. Он не сдержался:

– Может на даче они им больше пригодятся? И вещи на лето вывезли. А потом, уже осенью вернуться?

– Да нет, – домком лениво почесал свой бок через синюю рубашку, – они так и сказали перевезли до победы над Гитлером. Как Гитлера победим, так и вернем. Бояться чего-то. Может, и знают чего-то.

– Может и знают, – согласилась Татьяна, – но вы, же понимаете, что все распространяется официально. У нас на радио тоже, все идет сугубо официально. Никакой особой информации у меня нет. Да и быть не может.

– Оно —то понятно, – домком еще потер пятерней бок и вышел в коридор.

– Вот так везде, – зашептал Коля, когда шаги домкома заглохли в коридоре, – война началась, а они бумаги выправляют. То тут бумага то тут. У нас вчера добровольцами студенты уходили. Так они весь день обходные листы оформляли. Молодые партии, а все в мыле были. Шесть часов бега по этажам. А если ты не сдал казенное полотенце и одеяло в общежитии, значит, не годишься ты в народные герои. Будь добр сдай.

Татьяна кивну:

– И много у вас добровольцев?

Коля, вздохнул и посмотрел в окно:

– Хватает. Говорят, не навоюются. Гитлера разобьют, и медаль не получат.

Татьяна посмотрела на него и Коля замолчал.

– Наверное, вы их плохо учили, – сказала она через минуту, – наверное, не объяснили, что надо думать своей головой. Или до Гашека с его Швейком не дошли.

– Ты думаешь им не надо идти, – тихо – боязливо спросил Коля.

– Я думаю, что война от них – никуда ней уйдет, – Татьяна присела на край кровати, – она идет, и будет идти долго. Спешить сейчас может и не надо. Ивакина они правы надо сначала подумать и о себе.

– Ты понимаешь, что говоришь? – Коля прижал голову к двери и скривился.

– Да брось, – Татьяна, – отмахнулась от веселой летней мушки, – брось. У нас никогда не было стукачей. Никто в нашей квартире не писал никогда.

– А Костя, – переспросил Коля, – он как?

– Костя, – Татьяна сосредоточенно раскурила любимый «Казбек», – Костя попал за своего папу. Так я думаю. Он у его был инженером большого завода. Того, что на Северном берегу. Сначала слили папу, потом сына, потом жену. А потом и меня все это всосало. Я за Костей полетела во все это. А мои соседи в этом не виноваты.

– Но если кто-то скажет. Домком прав – время военное. Нас с тобой даже слушать не будут.

– Да брось ты, – она выдохнула дым, – если меня допускают до радио, значит, не думают, что я враг. Считают, что все давно проверили. Если не вытащили ничего тогда в тюрьме, то теперь можно не беспокоиться.

Коля отошел от двери и сел рядом. Татьяна посмотрена на него и кивнула на папиросу:

– Смотри. Это одна из последних нормальных. Скоро пойдут папиросы военного выпуска. В них сначала будет треть бумаги и две трети табака, потом пополам табака и бумаги, а потом осьмушка табака, а все остальное бумага. И никто не скажет когда я смогу курить нормальные папиросы.

– Таня, – Коля смотрел, как медленно исчезает в дыме табак папиросы, – а тебе не совестно сейчас думать о папиросах?

Она покачала головой:

– Дорогой я даже на папиросы уже не влияю. Думаешь, от нас что-то зависит? Да нет. Надо наслаждаться хоть чем, что есть. Вот эти папиросы последнее, что осталось.

Она хотела добавить «у меня», но пожалела Колю. К счастью он понял ее неправильно.

Татьяна понимала, что советские люди, ослепленные многолетней пропагандой, в массе своей не могли рационально думать. Даже простые, примитивные идеи многим были не доступны. Большинство верило советской власти, и чем

сильнее боялось, тем сильнее верило. И кто же мог подумать, что вывезенные из города вещи могли бы спасти жизнь в блокаду, обменяй их семьи на продукты.

Так было и с семьей Ивакиных. Вещи они поспешили вывезти, боясь налетов германской авиации, о силу которой они понимали после войны на Западе. Отец – Ивакин не сомневался, что немцы «усыпят Ленинграду как следует». Он нанял машину на автобазе и перевез вещи к своей матери – старухе под Лигово. А когда кольцо блокады замкнуло, то Ивакины остались в своей пустой квартире. Сначала умерли дети, такие маленькие, казавшиеся игрушечными Ванюша и Надюша. Потом уже в январе умерла и Ивакина – мать, обессилев на карточках совслужащего. А старуха Ивакина сгорела со всем скарбом семьи в Лигово во время артоудара. Этот несчастный скарб мог бы Ивакиных спасти, обменяй они это барахло на хлеб или на клейстер. Впрочем, старший Ивакин об этом не узнал – еще в теплом августе он был убит очкастым немецким автоматчиком родом из дальнего Магдебурга.

В первые дни, после начала войны в город жил возбужденной настороженностью. Ленинградцам помогла недавно прошедшая война с финнами. Город быстро переродился. В скверах ставили зенитные батареи, но веселые зенитчики, выпущенные из казарм чувствовали себя хорошо, знакомились с девушками, а частенько покупали различное пиво. Некоторые заводы и предприятия перешли на казарменный режим, но он был опереточный: работники только расписывались в особой ведомости утром и вечером.

Однако постепенно жизнь в городе останавливалась. Как большой морской корабль теряющий ход, Ленинград начал терять людей, терять жизнь.

Ленинград пустел.

Ленинград дичал.

Татьяна чувствовала это по Дому Радио. В первые дни войны наиболее быстрые и ушлые выправляли себе командировки в центр страны, в Сибирь и даже на Дальний Восток. Сначала над ними посмеялись. Но все больше и больше сотрудников Ленинградского радио находили у себя хронические болезни, выискивали очень больных родственников и увиливали от счастья исполнения гражданского долга.

Татьяна не понимала таких. Она больше многих не любила советскую власть, но для нее было совершенно понятно,

что сначала необходимо победить фашизм. Однако, думающие о своей жизни не просто разбегались по отдаленным городкам и корреспондентским пунктам. Они делали больше. И они спасались. Правда, дошло это для большинства не сразу.

Она не хотела уехать. Не потому, что жить было уже не для кого и не для чего. Нет. Она знала, что когда станет страшно, то любовь к жизни проснется. Как она просыпалась она в ленинградской тюрьме и московской больнице. Эта могучая тяга к жизни вывернет ее из рутины самообмана. Но она знала и иное – если не она, то никто. Никто тогда не останется в ее бесхребетном отделе, спорящем за тарифы на строчки и талоны в столовую. Эти табельные певцы социалистического труда и школьного утра не вытерпят и не опишут того, что здесь начнется. Начнется совсем скоро, в этом-то она не сомневалась. И только загадочно качала головой на предложение начальника отдела провериться в поликлинике, к которой было прикреплен Дом Радио.

Днем у Коли случился приступ. В полном сознании, он упал на кровать. Его скривило. Правда, судороги были не долгими. Когда он пришел в себя, то трогая Татьяну за волосы Коля сказал:

– Еще утром подумал, что мне плохо будет. Позвонил в институт и сказал, что болен. Представляешь, поверили без лишних вопросов.

Она кивнула.

– Наверное, сейчас проще стало? – спросил он, – и справок меньше.

– Нет, – Татьяна посмотрела на его раскусанные в припадке губы, – просто стало меньше врачей. Многих мобилизовали. У нас в Доме Радио закрыли медпункт – врача и медсестру отправили в укрепрайон.

– На фронт? – спросил Коля. Он все еще плохо соображал после припадка.

– Да, – Татьяна щелкнула пальцем по коробке папирос, – видел бы ты их лица. Когда они грузились на машину.

– Что? Что было?

– Мне показалось, что они на собственные похороны собрались. Наш милейший доктор Екатерина Алексеевна была белее своего халата.

Татьяна замолчала. Ей представился все тот же серо-бе-

лый цвет, оттенивший одним вечером ее жизнь. Вот такого же цвета было лицо милейшей Екатерины Алексеевны, когда она поставила в кузов ЗИСа свой докторский чемоданчик и подала руки стоявшим в кузове красноармейцам. Они весело втащили ее, потом медсестру Леночку с пухлыми щеками и закричали шоферу:

– Доктор с нами.

Румяный командир заколотил по крыше кабины. ЗИС выдал облако белого дыма, хрюкнул и медленно покати́лся на улицу. В окружении смеющихся красноармейцев стояла бело-серая Екатерина Алексеевна с неподвижным лицом. А медсестра Леночка уже подхватила веселую песню о том, как быстро Красная Армия разгромит врага.

– Тяжело бабе-то с мужиками будет, – тихо сказал дворник вышедший закрыть ворота за машиной.

Татьяна кивнула.

– Как на смерть уехали, – проворчал дворник и загремел цепью от ворот.

Татьяна, пораженная их общей догадкой посмотрена на него. Их глаза встретились, и в синих глазах дворника не было смысла, но в них была простота. Ее поражала эта глубинная житейская мудрость, а вернее понимание жизни, шедшее от простого человека. Человека часто не способного мыслить, но способного чувствовать. Только и способного чувствовать.

– Вы бы определились, – неожиданно громко сказал Та-

тьяне дворник, – мне закрывать надо. А вы столбом так вот встали. Вам надо или на улицу идти. Или в здание. Так – то столбом стоять не положено. Ведь если, что – то я и виноват.

Коля выслушал все, прикидывая это на себя:

– И как мы без врачей?

– А как они там без них, – Татьяна, наконец, выудила папиросу.

– Но и здесь есть больные.

– Есть. Значит раньше будешь в поликлинику ходить, – Татьяна неудачно зажгла спичку, обожгла пальцы и затрясла рукой в воздухе, – врачей меньше и людей меньше. Ты бы видел, сколько наших народных патриотов бежит.

– Бежит? – Коля, наконец, поднялся и подошел к буфету.

– Да. Может и тебе взять направление в центр страны?

– А куда мне? – Коля надел свои брюки, – я вот могу до сортира дойти. А все остальное и не знаю. Мать у меня в Рязани живет. Но там ведь нет ВУЗа? Кому я там буду нужен?

– А ты спроси, – настойчиво сказала Татьяна, – ты к боям не годный совсем. Может там чье-то место займешь.

Коля посмотрел на нее с тоской Екатерины Алексеевны. Только та уезжала в пустоту, а этот уже был в ней. Коля махнул рукой и остановился.

За стеной были слышны громкие голоса – соседка Аня собирала свою дочь в эвакуацию. Первая эвакуация ленинградских детей в Новгородскую область была объявлена 28 июня

1941 года. Соседи что-то бурobili и ругались.

– Я знаю, – тихо сказал Коля, – это детей вывозят.

Татьяна кивнула. Она все еще ранимо воспринимала само слово «дети». Вот и сейчас она подумала, что всех их – и родившихся и не родившихся она собирала бы сейчас в эвакуацию. Ей пришлось бы искать чемоданчики и коробки, бечевку, чтобы связать вещи. Пришлось бы искать по городу еще оставшиеся в продаже целые упаковки зубного порошка и мыла. Она затянулась, синим дымом, и подумала как же приятны и тревожны были бы эти хлопоты.

– Они паникуют. Тебе е кажется? – тихо спросил Коля. Он явно передумал идти до отхожего места.

Детей родители не хотели отдавать. Это знали и Коля и Таня. Поэтому она только пожала плечами.

– Я не про родителей и детей, – так же тихо сказал Коля, – я про тех, кого ты так не любишь.

Татьяна непонимающе посмотрела на него.

– Я говорю про руководителей города, – Коля присел на угол комода.

– Про Жданова? – громко переспросила Татьяна, – ты про этого жирного козла? Про Жданова?

В глазах Коли не отразился испуг. Он, обычный преподаватель, может чуть более способный, чем обычный доцент – филолог уже устал бояться советской власти.

– Нет, я про все наши власти, – тихо, но уверенно сказал Коля, – и про Жданова и про Сталина. Я про них, которые

уже бояться. И нам пора?

За стеной, наверное, Аня грохнула чем-то тяжелым.

Коля вздрогнул, отпрянул от комода и сел рядом с Татьяной.

О Сталине Татьяна давно не думала. С начала войны Сталин исчез из газет. Она стала забывать длинный текст здравниц в честь великого кормчего. Сейчас она поняла, что действительно что-то изменилось. Но не в методах этой советской машины было чего-то бояться.

– Они паникуют, и бояться, – продолжил Коля, говоря очень и очень тихо.

– А ты не боишься? – почему-то так же тихо сказала Татьяна.

– Боюсь.

– А зачем говоришь?

– Аня донесет?

– Дурак, – легонько толкнула она Колю, – ей сейчас не до такого как ты.

– Я вчера проехал до Стрелки. Там выгнали всех наших учителей на рытье траншей. Все в гражданском, копают как буржуи в двадцатые. Красная профессура, а роет как эксплуататорские классы. Помнишь, тогда была трудовая повинность для представителей эксплуататорских классов. Сейчас практически тоже самое. Они там копошатся как в муравейнике. Лопаты есть, а тачек нет. Поэтому все сумбурно. Даже я увидел, что крашения неглубокие и не замаскированные.

– Нет, – Татьяна посмотрела, как медленно погас ее «Казбек» и она опустила его в пепельницу, – они не бояться. Они не хотят, чтобы с их революционными именами ассоциировались наши поражения.

– Поражения, – Коля посмотрел в лицо Татьяны.

Она кивнула:

– Конечно. Они будут прятаться до тех самых пор, пока не переломится дело на фронте. Знаешь, когда наши пойдут не от границы, а к ней они все снова поднимутся. Тогда – о мы услышим и Сталина и Жданова. Они успеют примазаться к победе, а вот с поражением они не хотят равняться. Зачем? Пусть мы справимся сами.

– Справимся сами, – повторил Коля, – справимся сами.

Сталин вступил 3 июля. После этого стало страшно. Нет, он не сказал ничего нового. И так было понятно, что все идет не так, как пели в песнях. Врага не удалось встретить ни могучим ударом, ни победить малой кровью. Это поняли многие уже, когда 26 июня немцы взяли Минск. Но Сталин говорил так, медленно, так отчетливо стучали его зубы о стекло стакана, что его страх стал перетекать всем.

Татьяна слушала его речь в Доме Радио. Послушные сотрудники ленинградского радио выстроились перед репродукторами в коридоре. Медленно и хрипло говорил Сталин. Его слова молотком били по вискам.

Особенно страшно ударили слова Сталина: «братья и сестры, я обращаюсь к вам, друзьям мои». Если мысли изреченная есть ложь, то эти слова Сталина Татьяна восприняла, как приговор.

Она почему-то подумала, что Сталин уже списал их, миллионы, десятки и сотни миллионов безликих сестер и братьев. Эти сестры и братья уже были положены в основание будущего мира. Мира, в котором не будет места всем сестрам братьям, но в этом новом мире будет Сталин, который кроткой фразой емко описал будущее советских миллионов.

У звукорежиссера потекли слезы во время его речи, но она удержалась, и зарыдала только, когда в репродукторе

угас звук.

Дверь открыл растрепанный Коля.

– У тебя был приступ? – сразу же спросила Татьяна.

– Нет, нет, он показал в глубь комнаты, – у нас Аня она ждет тебя.

Соседка Аня была молодой женщиной. Семь лет назад она вышла замуж, получила эту комнату, освободившуюся после знаменитого выселения эксплуататоров 1930 года и жила здесь сначала с мужем и дочерью.

– Здравствую Таня, – быстро заговорила Аня, – извините, извините, что так без приглашения. Но я просто не знаю, что мне делать. Ты больше моего, нашего —то знаешь. Ты хоть мне скажи, успокой.

– Подожди, – Татьяна, положила сумку на стул и медленно сняла плащ, – давай я умоюсь, мы попьем чаю и поговорим. Вот нам сегодня сушки выдали в Радиокomiteте. Полтора кило. Наверное, за хорошую работу.

Татьяна натянуто улыбнулась. Коля загремел чайником и вышел из комнаты.

Татьяну поразили опущенные плечи Ани, ее черные круги под глазами и мятая кофточка. Татьяна посмотрела на останки окурков в пепельнице, вздохнула и открыла новую пачку «Казбека». Пришел Коля, посмотрел на Татьяну и Аню и осторожно втиснулся в дальний и темный угол. Поняв, что

Аня не осталась одна, Татьяна пошла мыться.

Пока Татьяна ходила и умывалась, Аня сидела понуро и даже не смотрела на стол. Коля уже принес вскипевший чайник, выложил сушки в фарфоровое блюдо с отколотым краем и покорно ждал жену.

Татьяна быстро переделалась за ширмой и, потирая уставшие запястья села за стол. Аня сразу, как наэлектризованная, всполошилась:

– Танечка, пожалуйста, скажи мне, что и как? Дашу забрали двадцать восьмого июня и отправили в Новгородскую область. Они говорили, что детей ввозят, чтобы они не попали под удар авиации немцев. Все мы знаем, что фашисты бомбят мирные города. Фашисты никого не щадят. Но связи с ее лагерем нет. Я звонила туда, а связи нет. Телефон молчит, на телефонной станции говорят, что телефон молчит. Говорят, что связи нет. А по сводкам именно туда и наступают немцы. Они получается уже близко. Немцы близко. А Даша там. Она там.

Коля придвинул к Ане чашку с чаем. Она жадно отглотнула горячий чай, была готова зарыдать, но сдержалась. Татьяна поняла, что Аня уже за гранью отчаянья.

– Я не только со станции звонила, – громко зашептала Аня, отодвинув чашку с кипятком, – я попросила. Просила я. Добилась. С работы звонила. Там особый телефон. Он специально проложен. Но до лагеря не дозвонилась. Таня, Таня, что делать?

– Аня, – Татьяна постаралась говорить медленно и внешне уверенно:

– Я знаю не больше твоего. Нам приносят те же сводки, что и всем. Я знаю только то, что немцы наступают и Новгород под их ударом. Фашистские танки могут в любой момент войти в Новгород.

Она посмотрела на бледного Колю и уткнувшуюся в чашку Аню и громко сказала:

– Новгород скоро будет взят немцами или уже взят ими.

Коля отвернулся от них и Татьяна подумала, что хорошо бы, если бы сейчас у него не было бы припадка. Какой ужас, три беспомощных человека в самой мясорубке событий. Наверное, сейчас было бы легче там – под Новгородом. Там еще есть определенность. И она будет до самой смерти, до которой советским бойцам там не далеко.

Коля мял руками майку и вдруг сказал:

– Я вчера видел, как памятник Ильичу закрывали мешками с песком. Наверное, думают, что и по нам ударят.

Татьяна тяжело посмотрела на мужа.

Аня резко подняла голову:

– Танечка скажи мне, пожалуйста, скажи мне. Может мне надо немедленно сорваться и ехать вывозить Дашу? Может, я еще успею? Успею я?

Татьяна положила свою руку на дрожащую Анину ладонь:

– Анечка, шансы есть. Немцы не боги, он не могут быть везде. Если ты успеешь на поезд, то тебе надо ехать. Если ты

веришь, что сможешь купить билет.

– Билеты еще продают, – подал голос Коля, – даже за пределы области. А местные электрички еще ходят. У нас два преподавателя каждый день приезжают из области. Каждый день приезжают. Вовремя электрички ходят.

Аня вскочила, глаза ее заблестели, она бросилась на шею Татьяны и быстро заговорила:

– Спасибо тебе Танечка! Спасибо, спасибочки! Никогда тебе не забуду этого! Никогда.

– Мы посмотрим за твоей комнатой, – обняла Аню Татьяна и почувствовала Аннины слезы у себя на шок.

Через четверть часа Аня уехала. Вернулась она через четыре дня. Вернулась с Дашкой. Даша была тиха, а Аню трясло, их одежда была грязной и порванной.

– Как нас не замели, – сказала Аня, снимая одежду в общем душе, куда принесла горячую воду Татьяна, – представляешь, Таня я несколько километром ползла под вагонами, а там сама знаешь что.

Оказалось, что дело с эвакуацией детей было швах. Детей вывезли в летний лагерь, но перебои с питанием начались сразу. То кончилось масло, то не было компота, а потом перестали привозить хлеб. А многие родители стали приезжать и забирать своих детей. Поэтому детей решили централизованно вернуть. Аня успела буквально за день этого возвращения. Она приехала и даже без скандала забрала Дашу. Директор лагеря спокойно и деловито передал Ане Дашины до-

кументы, хотя и не рекомендовал ехать самостоятельно.

– Завтра, – тихо сказал директор и попет красные глаза, – может послезавтра, приедут грузовики и вывезут детей. Все уже согласованно с обкомом. Приехать должны были вчера, но машин не хватает. Время сами знаете какое.

Пока Аня с Дашей сидели на станции и ждали пассажирского поезда, мимо них прошел поезд с детьми, которых везли в Ленинград. Это вывозили дальние лагеря.

Поезд, составленный из дачных пригородных вагонов, медленно проехал станцию, тут на нее налетели немецкие самолеты. Аня сказала, что самолетов было четыре. Черные, верткие с большими обтекателям шасси. Один самолет бомбил станцию, вернее сбросил на ее бомбу, которая взорвалась в складе с углем. Три других бомбили поезд с детьми.

– Таня, – тихо сказала Аня, – сначала они не знали, что там дети. Они думали, что там красноармейцы.

Сначала один самолет расстрелял паровоз. А потом второй самолет сбросил бомбу на вагоны в середине поезда. Но когда из поезда побежали дети, немцы покружились, сбросили оставшиеся бомбы на станцию и улетели. Все это время Аня с Дашей сидели под какой-то старой вагонеткой. Под вагонеткой была горка пыли смешанной с нефтью или мазутом. Когда они вылезли, то увидели горящие вагоны. Дети разбежались, но после окончания налета воспитатели стали собирать их.

Что было дальше, Аня с Дашей не видели, они присоседи-

лись в армейский грузовик к какому-то мрачному старшине. Старшина сам остановился на обочине и крикнул:

– Лезь в машину, мать твою! Давай, пока не вернулись!

Старшина вез в кузове зеленые тюки, посадив Аню с Дашей в кабину, перестал громко ругаться. Только иногда говорил: «твою» и ехал дальше.

Этот старшина на старом грузовике с горой тюков довез их до следующей станции. Аня с дочерью успели на какой-то залетный паровозик с несколькими разномастными вагонами. На нем они и доползли до Ленинграда.

– Ты знаешь, – сказала Аня, – впервые с начала войны я почувствовала себя спокойно. Когда их, немцев видишь уже не так страшно. Не страшно когда смерть так близко. Я почему-то тогда подумала, что фашисты они как люди. Они как увидели, что маленькие фигурки бегут то не стали стрелять.

– Может они патроны экономили, – сказала Татьяна.

– Нет, нет, – громко ответила Аня, – станцию бомбили, а в детей не стреляли.

Даша сидела на полу и все время молчала. Аня гладила ее по голове, но дочь ничего не говорила.

– Мне завтра на работу, – тихо сказала Аня, – они у меня вычтут за прогулы.

– Наверное, – согласилась Татьяна.

– А мне-то теперь все равно, – весело сказала Аня, – если припрягут на какие-то работы, вы за Дашкой-то посмотрите. Может, я не сразу вернусь. Не скоро.

– Может и не скоро, – кивнула Татьяна.

Аня отжала волосы на пол душевой, осмотрела свои стертые до крови колени и локти, хихикнула и прикрылась полотенцем.

Первый настоящий налет на город случился только четырнадцатого августа. Немецкие самолеты шли с нескольких направлений. В этот раз немцы прорвались без особенных потерь. Она это видела сама. По сигналу воздушной тревоги Татьяна взяла выданную ей затейливую каску бойца противовоздушной обороны, противогаз и поднялась на крышу Дома Радио. На крыше уже было два расчета противовоздушной обороны. Татьяне показалось, что люди были расслабленнее и даже веселее, чем в бомбоубежище. Ей тоже казалось, что быть убитой на крыше лучше, чем быть засыпанной в бомбоубежище и задохнуться там во время пожара.

Сначала появился низкий гул. Он был ровный, только всхлипы зениток разрывали его. Наши зенитки били иступленно и обреченно. Особенно неистовали пушки кораблей, которым была заставлена вся Маркизова лужа. Татьяна слышала, что командование Ленинградского фронта пригрозили отправить «всех лишних» матросиков на сухопутный фронт. Вот они и старались.

Потом появились немцы. Они шли как на воздушном параде. Четкие четверки немецких бомбардировщиков образовали длинную колонну. С краев колонны летели маленькие истребители. Время от времени ряды самолетов портили кляксы разрывов, но немцы шли. Это был показательный парад

силы.

Наши истребители сновали вдали этой колонны, но не приближались, чтобы не срывать пристрелку зенитчикам.

– Что же они делают, – тихо произнес Александр Николаевич, дежурный корреспондент. Татьяна посмотрела его на напряженное лицо, придавленное сверху жестяной каской бойца ПВО и с иронией подумала, что Александр Николаевич из такого боя не сочинит очередной духоподъемный репортаж.

Наконец появился конец колонны. Немцы на это раз шли не на центр, а решили бомбить окраину со складами и заводами. Как раз на знаменитых Бадаевских складах Татьяна была неделю назад. На них хранилось продовольствие на три недели жизни города. В этот приезд их интересовали е амии склады, а ленинградские ополченцы и милиционеры, охранявшие склады. Им удалось поймать трех диверсантов парашютистов. Как поняла Татьяна, это произошло во многом случайно. Поздно вечером немцы сбросили своих диверсантов, но один из них приземлился прямо на позиции ополченцев и сдался под прицелом пулемета, второй повис на дереве и от удара потерял сознание, а третий сломал ногу при неудачном приземлении.

Ополченцы, показывая места приземления диверсантов и рассказывая об их пленении, была радостно возбуждены, а вот милиционеры хмурились. Татьяна поняла, что пожи-

лые ополченцы еще не поняли, куда они попали, а милиционеры понимали, что такая удача больше вряд ли привалит. Ее поразил остановившийся взгляд милиционера заныкавшего нож одного из пленных диверсантов. Татьяна осторожно взяла этот кусок металла с тяжелой деревянной рукояткой. На широком клинке была выбита дата «1936», а коричневое дерево рукояти было заполировано умелой рукой.

– Вот так, – вздохнул миллионер, забирал клинок у Татьяны, и вставляя в ножны на поясе. Она поняла, как не хочется ему встретиться в бою с настоящим хозяином такого ножа, и насколько эта встреча неизбежна.

Между тем веселые ополченцы, одетые в какую-то причудливую полувоенную форму показывали ей позиции их ополченческого батальона. Позиции были устроены по всем правилам военной науки, освоенной ополченцами на занятиях по гражданской обороне.

– Каждый день меняем, – похвалился командир ополченцев, показывая свежие зеленные ветки деревьев, закрывавшие траншеи сверху и по мысли командира маскировавшие их с воздуха.

Но кроме маскировки у ополченцев не было ничего для отражения налета. Все тяжелое оружие ушло на переформирование фронтовых частей, после прорыва немцами Лужской линии. А на территории Бадаевских складов было только три пулемета в больших и глубоких капонирах. Пулеметы стояли на самодельных зенитных станках. Примерно та-

кие были изображены в книжках о Гражданской войне. Пулеметы крепились на обводах стальных колес, укрепленных на стальных спицах. Это позволяло наводить пулемет по горизонтали, пояснил командир ополченцев. А для наводки по вертикали использовался какой-то странного вида стопор. Пока ополченец расписывал Татьяне надежность этого старого пулемета и где храниться запас воды необходимый для длительной стрельбы, она смотрела на задумчивое лицо милиционера в синей гимнастерке. Милиционер не смотрел ни на пулемет, ни на ополченца, ни на Татьяну. Его глаза остановились на недалеком леске, за которым уже был фронт.

Самолеты прошли над Бадаевским складами. Разрывов зенитных снарядов вокруг них тало меньше. Но с земли практически сразу стали подниматься дымки пожаров.

– Пойдемте вниз, – это Александр Николаевич тронул Татьяну за руку, – нам еще работать.

Его каска сидела на голове плотно, но лицо было бледным.

– Вам работать, – ответила Татьяна, ей совсем не хотелось идти в сумрак затемненного при налете Дома Радио и сидеть в молчаливом страхе, как перед новым бомбовым ударом немцев, так и перед обсуждением увиденного. А совершенно невыносимым было то, что сейчас было нужно написать что-то правильное и патриотическое, то, что покажет как сильны ленинградцы, как легки для них немецкие бомбовые удары.

Александр Николаевич посмотрел на дым, поднимавшийся над Бадаевскими складами. Этот дым уже сливался с сумраком, но отблески пожаров уже подкрашивали его.

– Мы там ничем не поможем, – сказал он сипло, – у нас есть своя работа. Свой боевой пост.

– А вы думаете, что мы сражаемся на нем лучше, чем они там, – и Татьяна зло кивнула в сторону складов. Она подумала, что все их радио с комическими и беспомощными репортажами, прерывающимися сводками Совинформбюро ничто

иное как старые пулеметы ополчения на некрашенных стальных колесах.

– У нас своя работа, – потупился Александр Николаевич, – мы такие же бойцы Родины, только наш фронт это радиоэфир.

Отвечать на эту дурь Татьяне не хотелось, и она резко отвернулась от Александра Николаевича. Там – вдали уже разгорался пожар на складах.

Александр Николаевич потоптался и пошел к лестнице. Он не погибнет, а просто попадет в первую блокадную зиму. Не придет на работу, его не окажется в больницах, а в ЗАГС не поступали документы о его смерти. С таким долго мучились кадровики и секретчики. Ведь они могли попасть в больницы или быть эвакуированы вместе с семьями или больными. Иногда они пропадали без следа, и никто не хотел гадать, что стало с ними.

Рабочее расписание и рабочее место таких пропавших медленно занималось живыми, как медленно зарастает открытая рана. И только десятилетия спустя в товарищеских посиделках как-то вспоминались такие ни живые, ни мертвые и медленно замирал разговор как бы желая исчезнувшим быстрой и легкой смерти или долгой но невозможной жизни.

Начинало холодать. Татьяна уже носила теплое пальто и шляпку. Миша дождался ее после работы, что было тяжело.

– Смотри, – Миша оказал ей какую-то черную пыль, труху, – мама вчера собирала.

– Что собирала? – не поняла Татьяна, поднимая воротник.

– Остатки сгоревшего на Бадаевских складах. Ты же там была. Подумал, тебе будет интересно.

Она кивнула.

– Когда склады потушили, да они выгорели все. Сил потушить их не было. На их место стали ездить и собирать то, что осталось. Вот что там собирают.

Он как-то спокойно высыпал черную труху на стол.

– Зачем это собирают, – спросила Татьян с брезгливостью и страхом, смотря на черную жирную труху. Эта труха напоминала жирную пыль с крупинками черного угля.

– Старшее поколение, боится голода, – охотно пояснил Миша, – у кого есть время, ездят туда, разгребают большие кучи золы и находят там что-то. Если это хотя бы немного съедобно, то везут к себе домой. Ты же знаешь, что выдача по карточкам будет сокращаться.

Так труха стала оживать приобретать человеческое тепло. Татьяна положила ладонь на кучку черной золы. Зола дей-

ствительно была жирная, скорее всего это была сторевшая мука вперемешку с сахаром. Черные кристаллы – угольки были пересыпаны мучной пылью. И там была земля, земля, пропитанная жирным сахаром, но еще не кровью.

– Нас это ждет, – тихо спросила Татьяна, – это мы прогоревшие и пережженные этой войной.

Он поджал губы, отвернулся. Татьяна отметила, как сгорбились его плечи. Ей уже не хотелось, чтобы он сегодня провозжал ее домой.

– Миша, ты не ответил.

– А что говорить, – резко обернул он, – вот доживем и увидим. Зачем нам сейчас это обсуждать? Что я могу сделать. Давай доживем.

– Если доживем.

Миша попытался сменить тему:

– Я, почему этот разговор начал. Мама говорила, что склады были разгромлены все. Они не были защищены с воздуха и немцы их разнесли полностью. Там ничего не осталось. Только это, – он снова кивнул на горсть пепла.

Миша еще раз посмотрел на труху и выбросил ее на тротуар. Потряс руку, а потом вытер ее о газету. С каким-то брезгливым сожалением Миша посмотрел на газету, свернул ее и засунул в большой карман своего плаща.

– Там были люди, – Татьяна посмотрела на Мишу, – я их видела там. Когда ездил за репортажем. Ополченцы и милиционеры. Сотни три. А вся защита с воздуха три старых пу-

лемета. Они там были. Я их видела живыми.

Миша тяжело вздохнул:

– Там ничего не осталось. Все ополченцы в одной большой могиле. Там же и милиционеры. Они должны были охранять склады и не могли укрыться. Приказ был таков: не допустить диверсии на складах. Боялись того, что во время налета диверсанты подожгут склады. Так и стояли под бомбами. Немцы их бомбили, а они не могли даже укрыться в блиндажах.

– Почему? – недоуменно спросила Татьяна.

– Таков был приказ, – Миша поджал губы, они слились в тонкую полоску, – они же там не сами по себе были. Их послали по приказу.

Татьяна вспомнила того задумчивого милиционера с трофейной финкой германского диверсанта. Тогда ее потрясла грусть в его взгляде. Как будто он уже тогда поникал свою судьбу. Он уже простился с жизнью, а трофейная финка была как тяжелые пятаки на глаза живого мертвеца. И как были веселы ополченцы «пымавшие» немца, оказавшегося совсем не немцем, а старым нашим.

Миша пожевал нижнюю губу и отвернулся к окну закрытому светомаскировкой.

– Мама видела как пожарные, и приехавшие милиционеры сносят в могилы трупы.

Татьяна посмотрела на Мишино лицо серое в усталости:

– Эта война разделяет нас.

– На живых мертвых? – спросил он.

– На понимающих и не понимающих. Эти ополченцы так и не поняли, что немцы разбомбят их. Вот и не прятались по своим блиндажам. Хотя от них тоже защита не велика, но все же. Они все верили им из Смольного, – она кивнула в сторону центра Ленинграда, – хотя они и послали их стоять под немецкими бомбами.

Миша взял ее за руку вышел локтя. Сегодня Татьяна не возражала.

Войну вели ужасно. Татьяна осознавала, что герои революционной войны не могли остановить немцев. И с первых дней такие домашние имена Тимошенко, Буденного, Ворошилова, стали вытесняться резкими, как молнии немецкими именами Бока, Гудериана, Клейста, Гепнера, Лееба. Эти громкие имена, которые советские люди слышали уже в 1940 жестко и артикулировано били по вискам: «танки Лееба» перешли Двину, «Клейст взял Пинск», «войска Гепнера заняли Новгород». Обычные граждане не запоминали имен германских генералов, для них они были какими-то расплывчатыми немцами, накатывающимися с запада. Эта расплывчатость меньше пугала, позволяла понять, что можно биться с теми плакатными немцами, что красноармейский штык проткнет брюхо немецкого барона.

Уже первые поражения поставили перед Татьяной те же вопросы, что и перед десятками миллионов, которые еще могли думать. И не боялись думать.

«Почему столько лет готовились и почему такое произошло?»

«К чему готовились наши генералы и былинные маршалы?»

И самое тревожное и страшное:

«Когда и где это прекратиться?»

Через день после Бадаевских складов немцы ударили по городу. Сразу шестьдесят самолетов пошли на город. Несколько прорвались к центру и сбросили бомбы. Тогда большинству стало страшно. Этот первый удар не был сильным, но он только показал, что скоро все станет куда тяжелее.

По городу уже ползли безумные слухи. Так рассказывали, что центр разбомбила шестнадцатилетняя летчица. Ее самолет удалось сбить уже на окраине. Когда погас пожар, то в смятой кабине нашли только маленькое тельце шестнадцатилетней летчицы, в которое плавился железный крест.

Якобы этот крест вручил ей лично Гитлер, а она научилась летать в восемь лет, а в годы войны уже совершила несколько сот вылетов, бомбила Англию и Грецию.

Когда пожарные загасили пламя и принесли этот Железный крест, оплавленный с загнутыми концами своему начальнику. Тот долго рассматривал его, держа на ладони своей брезентовой рукавицы, а потом бросил на землю и стал топтать.

Так же говорили, что за смерть этой летчицы немцы будут особо мстить. Так приказали Гитлер и Геринг.

За два дня Татьяна встретила семь человек знакомых, которых убила именно это немецкая летчица. По их рассказам она бомбила Ленинград причудливым зигзагом, убивая на своем пути людей и собак.

Вся эта дичь предвещала массовую панику, когда немцы

подойдут к окраинам города. Они были уже близко. Татьяна не знала этого, но чувствовала по тону сводок и по тому, как все больше мужчин из ленинградского руководства появлялись на работе в неглаженных рубашках. Они вывозили семьи, и некому стало крахмалить, выглаживать манжеты и воротники. Потом костюмы заменили полувоенные френчи, за которыми было не видно мятых серо-белых сорочек. Все эти безымянные совслужащие так и пройдут блокаду в этих френчах.

Татьяна заметила, что последнее время у не трясутся руки. Пальцы. Не попадают по вылезшей из коробки папиресе. Сначала она думала, что это от привычки старого курильщика не потерять последнюю папиросу. Но сегодня на Радио выдали «Казбек» по карточкам выдали роскошно – по восемь коробок в руки. А помзвукорежа Марина Анатольевна обменяла ей свой «Казбек» на три Татьянины банки консервированного молока. И открыв пачку свежего «Казбека» Татьяна поняла, что руки дрожат не из – за страха потерять папиросы. Он дрожат из-за страха. И от напряжения.

После отговаривания карточек пришлось писать сводку. В ней опять не было ни правды, ни убедительности. Она написала ее быстро и просто. Так же быстро и просто е пробубнил диктор. Закончив слушать эфир, Татьяна поняла, что этой сводке не верит никто на Радио. А может, не верит никто и в городе. Во всяком случае, из тех, кто может думать, не верит никто.

С таким мыслями она вернулась в свою комнату. Положила пакет с продуктами на буфет. Села, не раздеваясь на стул рядом.

– Почему они так ведут себя? – спросила у пустоты Татьяна.

– Что ты имеешь в виду? – переспросил Коля.

– Почему советская власть так относиться к нам? Почему они не расскажут всем правду?

– Правду, – переспросил Коля.

– Да. Правду. Мы о ней в мирное время не слышали. А теперь ее нет и подавно.

– Какую правду? – очень тихо переспросил Коля.

– Как какую? – Татьяна, наконец, расстегнула пуговицы пальто, – она только одна и есть. Настоящая.

– Что ты такое говоришь? – глаза Коли заметались по стенам комнаты.

– Наверное, я о том, что надо бы следовать собственным лозунгам.

– Татьяна, – прошипел Коля, – сейчас не время.

– Да, – кивнула она, – не время и не место. Скажи еще, что по законам военного времени сейчас шлепнут без некролога. Так у нас и в мирное время было так же. Раз. И пропал человек.

– Таня, прошу тебя, – пробурчал Коля.

Лицо его стало белеть, глаза сильно моргали. Татьяна испугалась, что сейчас у Коли начнется приступ. Она быстро достала две таблетки люминала и дала Коле, а разговор решила продолжить уже в другом месте и с другим человеком.

Миша был счастлив увидеть ее. Его университет частично уже эвакуировали, но он под эвакуацию не попадал. Не были у Миши ни семьи, ни детей, а мать – старушка не учитывалась советской властью. Все это его не смущало, тем более,

что ему добавили часы лекций и студентов.

– Представляешь, – громко сказал Миша, – если так пойдет и дальше, то я стану завкафедрой еще до зимы.

– Это война, – сказала Татьяна, – потери двигают наше общество быстрее, чем мирная жизнь.

– Я не попаду под мобилизацию, – так же громко сказал Миша, – у меня и язва была, но главное туберкулез. Он, вроде, прошел, но плеврит остался. В эвакуацию не берут, но и на фронт тоже. Буду расти здесь. В тылу!

Татьяна переступила через кучу грязи – город убирался все хуже и хуже:

– Почему они молчат?

– Кто они? – не понял Миша.

– Наши власти. Отцы города.

– Ну как так молчат? – почему-то Миша посмотрел по сторонам. До комендантского часа было еще рано и патрулей на улице было мало.

– Они не говорят нам всей правды, – упрямо повторила Татьяна, – на фронте совсем не так, как говорят в сводках. Они все это скрывают и от нас и от вас.

Как хорошо, что Миша не знал ее пару лет назад. Коля сейчас бы оборвал ее и прошептал бы: «Ты что. Опять захотела в подвал большого дома?». Миша ничего о ее запретном прошлом не знал и не перебивал ее. Во всяком случае, пока.

– Во время войны, – очень серьезно сказал Миша, – никогда не говорят всего. Враг имеет уши везде.

– Ты имеешь ввиду нашу советскую власть, – обычным тоном спросила Татьяна.

– Советскую власть? – опешил Миша.

– Да. Под внутренним врагом, имеющим уши.

Миша резко остановился и дернул Татьяну за локоть:

– Что ты такое говоришь?

– А я думала, что ты не решишься на такое. Во всяком случае, пока мы не переночуем вместе, – с легким смешком отстранилась она.

Миша сумрачно смотрел на нее. Он стоял и машинально тер большим пальцем правой руки фалангу указательного пальца. Татьяна поняла, что он уже думал об этом, хотя и боялся думать.

– Ты думаешь, все они, – Татьяна кивнула в сторону уже пустой мостовой, где недавно ходили люди, – не думают об этом?

– Не думают, не все думают, – тихо сказал Миша, – те, кто много думали, уже вообще не думают.

Татьяна засмеялась чмокнула Мишу в щеку и побежала домой легким шагом влюбленной женщины.

Они шли с Мишей, который ждал ее после работы. Миша жил в коммуналке с мамой школьной учительницей. Сын пошел дальше и стал кандидатом наук и доцентом. Миша смеялся, что после того как он защитил диссертацию мама перестала говорить ему о литературе, но часто напоминала, чтобы он одел шапку:

– Она считает, говорил он, что все ученые такие рассеянные, что все забывают.

– А ты не такой, – улыбнулась Татьяна.

– Как видишь, нет, – Миша рассмеялся, – ведь тебя не забыл.

– Не надо, – Татьяна, сказала это какие-то серьезно- скрипучим голосом, – не надо. Сейчас не время и не место. Скорее всего, не время.

– Время всегда одно, – как-то неуклюже отметил он.

– Ты ничего не знаешь обо мне. А я не хочу тебе ничего говорить. И если ты думаешь, что в стихах можно понять человека то заблуждаешься.

Они несколько минут шли молча. Город был темен – светомаскировка делала свое дело. Часто встречались патрули милиции и домкомов. Страшно не было, но казалось настоятельность разлита в воздухе.

– Знаешь, – неожиданно тих, сказал Миша, – мы с мамой

жили восемь лет с соседом. Кто он уже, наверное, не важно. А вчера во время налета.

Миша замолчал. Он обернулся по сторонам. И как-то странно поправил кепку.

– Что во время налета, – машинально переспросила Татьяна.

– Во время бомбежки сосед открыл окна своей комнаты, включил все лампы и закричал, глядя на надвигавшуюся волну черных германских самолетов: «красота-то, какая немцы пришли!», – очень тихо рассказал Миша, – наверное, его комната уже свободна.

Татьяна хрустнула пальцами:

– Ты думаешь это очень интимно? Рассказывать истории, за которые дают немалые сроки? Может ты считаешь, что это меня возбуждает? Или это позволит тебе подобраться ко мне ближе?

– Нет, нет, – сказал он, – я о том кто кого и как долго знает. Можно знать человека очень долго, а потом получить такое.

Она кивнула:

– Можно и так, а можно и наоборот. Если тебя это интересует, то я замужем. Он хороший человек, а жизнь у нас как у всех. И не лучше и не хуже. Разве, что детей нет.

– Хороший человек, – тихо сказал Миша, – хороший, а не любимый.

– И не начинай, – прервала его Татьяна, – в семейных отношениях много основано не на сиюминутных чувствах, ко-

гда кипят эмоции, а на то, что пережито вместе. Это фундамент семейной жизни, а эмоции, порывы только краска на стенах этого дома.

– Ты мне говоришь это потому, что знаешь, что я не оставлю тебя? – поинтересовался он.

– Да, согласилась Татьяна.

Мимо прошел патруль местного домкома: две тетушки преклонного возраста старательно шагали рядом с крупным мужчиной через плечо, которого висела санитарная сумка. Когда шаги патруля стихли, она сказала:

– Ты не из тех, кто, узнав, что женщина замужем попросится и исчезнет навсегда. Но ты должен значить, что все сложнее и одним напором и верностью мои семейные проблемы не решить.

Миша снова поправил кепку:

– Наверное, во время этой войны я вырасту.

– Во всех смыслах? – рассмеялась Татьяна.

– Во всех, – согласился он, – мертвые не берут с собой ничего. Но когда они умирают, то не знают об этом.

– Если ты о том, что он тяжело болен. То это правда. Но я ему обязана спасением. Или считаю, что обязана. Или он это считает. В общем, нас связывает куда больше, чем совместная комната.

– Семья, муж, жилая комната, общие воспоминания, – тихо повторил Миша.

– Да, – ответила она, – иногда я думаю, что этот больной

человек это я. Такая же больная и раненая птица. Подбитая жизнью. Я понадобилась ему, когда меня только выпустили из тюрьмы. Не думаю, что кому-то была нужна. Да и себе была не нужна.

Сзади зашаркали шаги патруля. Их обогнали все те же три человека укреплявшие свой страх ежевечерними обходами.

Миша кашлянул:

– Это было давно.

– Нет, – покачала головой Татьяна, – для меня это было недавно. Может как вчера. Вся моя жизнь после ареста Кости. Как сжатая пружина. Я недавно это поняла. Она тогда сжалась. И сейчас идет и идет, а ее нет. Нет этой жизни. Радио есть, стихи есть, мужчины есть. А жизни ее нет.

– Может потому, что нет детей?

– Нет, – Татьяна помолчала, – они не спасли бы. Хотя без них и тяжело.

– Думаешь, завтра будут бомбить? – неумело сменил тему разговора Миша.

– Не задавай idiotских вопросов, – ответила она после долгой паузы, – они теперь будут бомбить нас всегда. До самого конца. Их или нас.

– Значит, – шепотом сказал Миша.

Татьяна прервала его:

– Это значит только то, что не надо относиться ко мне как к комсомолке. И лапять между ног во время разговора о диомате. Тебе понятно?

– Да.

– Вот и да, – ей показалось, что похоть всегда мешает понять человеку что-то выше и получить нечто большее. Такая простая и наивная похоть. Естественное желание продолжить род омерзительно, когда она сопрягается с высшими истинами. Чувство эстетического меркнет, когда концерт в летнем театре заканчивается в ближайших кустах. И дело не в мятой юбке и отпечатках грязи на кофточке. Нет, дело в тоскливом неумении сделать все это красиво. Спокойно и достойно, как должны это делать мужчина и женщина. Так и советская власть, – подумалось ей, – так и она имеет несчастный народ. Мнет, жмет его, заставляет пахать за краюху хлеба и четыре квадратных метра коммунальной комнаты без горячей воды и канализации. Советская власть, насилюющая русский народ показалась интересной аллегорией. Вот только народ этот не сильно сопротивлялся, а как покорная деревенская баба сносил и побои, и насилие и неиссякаемую работу.

– Нравиться, наверное, – вслух сказала Татьяна.

– Что, – не расслышал Миша.

– Я про то, что другим это, наверное, нравится.

– Понятно.

– А ты подумал, что ломается все эта баба? Да?

– Да.

– Но я не про себя. Хотя к тебе это тоже относиться. Нравиться нам, что нас вчерную сношают. Всему народу нра-

ВИТЬСЯ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.